

НОВОЕ БЕЗУМНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КОМИССАРА АДАМБЕРГА

ФРЕД ВАРГАС

КОГДА ВЫХОДИТ ОТШЕЛЬНИК

MASTER DETECTIVE

CoRpus

Дьявольское воображение Фред Варгас сплело
тончайшую детективную паутину.

LE JOURNAL DU DIMANCHE

Комиссар Адамсберг

Фред Варгас

Когда выходит отшельник

«Corpus (АСТ)»

2017

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Варгас Ф.

Когда выходит отшельник / Ф. Варгас — «Corpus (АСТ)»,
2017 — (Комиссар Адамсберг)

ISBN 978-5-17-106462-4

Детективы прославленной француженки Фред Варгас, переведенные на тридцать два языка, читают во всем мире. Среди ее многочисленных литературных премий целых три драгоценных “Кинжала” – три знаменитые награды британской Ассоциации писателей-криминалистов, причем Варгас – единственная, кто удостоился их трижды. А в 2018 году ей была присуждена почетнейшая премия принцессы Астурийской, которую называют “испанским Нобелем”. “Когда выходит отшельник” – девятое головоломное расследование блистательного комиссара Адамберга, который не доверяет логике, зато умеет “видеть в тумане”, ловя сигналы интуиции. Серия смертей от укусов паука-отшельника взорвала соцсети на юге Франции. Поползли панические слухи о резком увеличении популяции этих пауков или об опасной мутации – до сих пор их укус не считался смертельным. У Адамберга само их название вызывает необъяснимую тревогу, и комиссар, вопреки здравому смыслу, начинает несанкционированное расследование, не подозревая, какие бездны злодейства разверзнутся перед ним.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-106462-4

© Бағрақ Ф., 2017
© Corpus (ACT), 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	43
Глава 10	54
Глава 11	56
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Фред Варгас

Когда выходит отшельник

© Fred Vargas & Editions Flammarion, Paris, 2017,
© Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2019,
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019,
© ООО “Издательство АСТ”, 2019

* * *

Глава 1

Адамберг, сидя на скале у причала, смотрел, как рыбаки возвращаются после ежедневного лова, швартуются, вытаскивают из воды сети. На маленьком исландском острове Гримсей все звали его Берг. Океанский ветер, одиннадцать градусов тепла, солнце в дымке, зловоние тухлой рыбы. Он забыл, что еще недавно был комиссаром полиции, руководил двадцатью семью сотрудниками бригады уголовного розыска в Париже, в 13-м округе. Он выронил мобильник, и тот угодил в овечью лепешку, к тому же лохматая скотина наступила прямо на него копытом, впрочем, без всякого злого умысла. Никто еще, наверное, не терял телефон столь оригинальным способом, с долей гордости подумал Адамберг.

Гуннлаугур, хозяин небольшой гостиницы, тоже пришел в порт, собираясь купить лучшую рыбу и приготовить ее на ужин. Адамберг улыбнулся и махнул ему рукой. Но выражение лица у Гуннлаугура было не такое спокойное, как в обычные дни. Не обращая внимания на то, что торги уже начались, он направился напрямик к Адамбергу, сдвинув белесые брови, ткнул в него пальцем, протянул послание и произнес:

– *Fyrir þig*. [Это тебе.]

– *Ég?* [Мне?]

Адамберг, неспособный запомнить простейшие, доступные даже ребенку иностранные слова, здесь непонятным образом за каких-то семнадцать дней усвоил около семидесяти слов. С ним старались объясняться как можно проще, преимущественно используя жесты.

Пишут из Парижа, наверняка из Парижа. Хотят, чтобы он вернулся. Он приуныл, потом рассердился, замотал головой – нет, ни за что! – повернулся лицом к морю. Гуннлаугур не отставал: он развернул листок и вложил его в руку Адамберга.

Женщину сбила машина. Муж и любовник. Все непросто. Ваше присутствие крайне желательно. Материалы будут переданы позже.

Адамберг опустил голову, ладонь его раскрылась, и ветер унес листок. В Париж? Почему вдруг в Париж? Где это?

– *Daður maður?* – спросил Гуннлаугур. [Труп?]

– *Já*. [Да.]

– *Ertu að fara, Berg? Ertu að fara?* [Ты уезжаешь, Берг? Ты уезжаешь?]

Адамберг тяжело поднялся, поднял глаза на белесое солнце.

– *Nei*. [Нет.]

– *Jú*, – вздохнул Гуннлаугур. [Да.]

– *Já*. [Да.]

– *Drekka, borða*, – предложил он. [Есть, пить.]

– *Já*. [Да.]

Колеса ударились о покрытие взлетной полосы Руасси – Шарль-де-Голль, и от этого толчка его внезапно накрыла такая мигрень, какой не бывало уже много лет, и одновременно появилось ощущение, будто его крепко побили. Он вернулся, и Париж, большой каменный город, накинудся на него. Хотя, может, все дело в том, что накануне в таверне у Гуннлаугура они хорошо отметили его отъезд, изрядно выпив. Стопки были совсем маленькие. Зато их было много. И это был последний вечер. И бренивин¹.

Беглый взгляд в иллюминатор. Не выходить, чтобы не оказаться там.

Но он уже был там. “Ваше присутствие крайне желательно”.

¹ Бренивин – исландский спиртной напиток крепостью 37,5° на основе картофеля и тмина. (Здесь и далее – прим. перев.)

Глава 2

Во вторник 31 марта шестнадцать сотрудников комиссариата в полной боевой готовности, с ноутбуками, папками и стаканами кофе, собрались к девяти часам в зале капитула, чтобы доложить комиссару о том, как они вели дела в его отсутствие под началом майора Мордана и майора Данглара. Члены команды были расслаблены и неожиданно разговорчивы, и это означало, что они рады его возвращению, им приятно его видеть и они не задаются вопросом, не изменилось ли в нем что-нибудь, пока он жил на севере Исландии, на маленьком острове, где его окружали только туманы да неугомонные волны. А даже если изменилось, какая разница, подумал лейтенант Вейренк, который, как и комиссар, вырос на каменистых склонах Пиренеев и понимал его, как никто. Он знал, что их команда под началом комиссара скорее напоминает большое парусное судно, меняющее курс из-за встречного ветра или замирающее, спустив паруса, во время штиля, чем мощный моторный катер, от которого много шума и пены.

Майор Данглар, наоборот, чего-то постоянно опасался. Он всматривался в горизонт, ожидая приближения неведомой опасности: его вечно донимали страхи, царапая острыми шипами и мешая жить. Отъезд Адамберга в Исландию после изнурительного расследования вызвал у него дурные предчувствия. Когда мозг устает у обычного человека и он выбирает туманную страну, чтобы снять напряжение, – это правильно. Более целесообразно, чем ехать на юг, к солнцу, где безжалостный свет подчеркивает любую неровность, малейший выступ на камешке и еще больше утомляет. Но когда туманный разум удаляется в туманную страну, это опасно и чревато тяжкими последствиями, полагал Данглар. Он боялся, что упадок духа у комиссара может стать необратимым. Он всерьез тревожился, как бы в результате химической реакции между туманом в человеке и туманом в природе Адамберг не растворился в Исландии и не остался там навсегда. Известие о возвращении начальника его немного успокоило. Но когда Адамберг вошел в комнату своей слегка развинченной походкой, улыбаясь каждому и пожимая руки, тревога Данглара вернулась. Более легкомысленный и переменчивый, чем когда-либо, с блуждающим взглядом и неуловимой улыбкой, комиссар как будто двигался наугад, не замечая разметки, пропуская редкие указатели, позволяющие не сбиться с пути. Текучий, вялый – вынес вердикт Данглар. Станный, пропитанный морем – подумал лейтенант Вейренк.

Молодой бригадир Эсталер, специалист по кофейной церемонии, которую освоил в совершенстве – по мнению коллег, только в этом он и преуспел, – мигом поднес чашку комиссару, положив ровно столько сахара, сколько нужно.

– Ну, рассказывайте, – произнес Адамберг мягким отстраненным голосом, слишком спокойным для человека, которому предстоит расследовать смерть женщины тридцати семи лет, которую дважды переехал внедорожник, переломав ей шею и ноги.

Случилось это три дня назад, в минувшую субботу вечером, на улице Шато-де-Рантье. “Что за шато? Какие рантье?” – подумал Данглар. Ни про замок, ни про рантье никто уже не помнил, и сегодня это название в южном секторе 13-го округа звучало забавно. Он пообещал себе узнать происхождение названия: энциклопедический ум майора впитывал любые знания, ведь все они, в конце концов, могли пригодиться.

– Вы читали материалы, присланные вам в Рейкьявик, где вы делали пересадку? – спросил майор Мордан.

– Конечно, – ответил Адамберг и пожал плечами.

Разумеется, он читал их, пока летел из Рейкьявика в Париж. Но на самом деле сосредоточиться на них не смог. Он понял, что женщина, Лора Карвен, – красивая, ничего не скажешь, отметил он, – погибла под колесами внедорожника между 22:10 и 22:15. Время убийства указано так точно, потому что жертва придерживалась очень четкого расписания.

С 14:00 до 19:30 она продавала одежду для детей в люксовом магазине в 15-м округе. Потом занималась бухгалтерией, а в 21:40 закрывала жалюзи. Она каждый день переходила улицу Шато-де-Рантье в одно и то же время, на один и тот же сигнал светофора рядом с домом. Она была замужем за богатым мужчиной, который “преуспел”, как прочел в документах Адамберг, хотя не запомнил ни его профессию, ни сумму на банковском счете. Внедорожник принадлежал мужу – как его звали? – погибшей женщины, в этом не было сомнений. В углублениях протекторов и на крыльях остались следы крови. В тот же вечер Мордан и Жюстен установили путь машины с помощью розыскной собаки. Она привела их прямехонько к стоянке у салона видеоигр, в трехстах метрах от места преступления. Собака оказалась довольно нервная и потребовала, чтобы ее долго и усердно гладили в благодарность за работу.

Хозяин салона хорошо знал владельца машины: тот приходил к ним в зал каждый субботний вечер и играл с девяти до двенадцати. Если не везло, мог засидеться за игрой до самого закрытия – до двух часов ночи. Он показал им мужчину в костюме и распушенном галстуке, очень заметного среди парней в капюшонах, с пивом. Тот яростно бился с экраном, где на него набрасывались огромные ходячие мертвецы, а ему нужно было уничтожить их, расстреливая из автомата, и проложить себе дорогу к горе Черного короля. Когда полицейские его прервали, положив руку на плечо, он неистово затряс головой, не выпуская пульта из рук, и закричал, что ни в коем случае, ни за что не остановится, набрав сорок семь тысяч шестьсот пятьдесят два очка и находясь в двух шагах от уровня Бронзовой дороги. Майор Мордан наконец сумел перекрыть треск устройств и вопли игроков и сообщил ему, что жена его погибла, попав под машину в трехстах метрах отсюда. Мужчина обмяк и навалился на пульт, испортив игру. Прозвучал музыкальный сигнал, и на экране загорелась надпись: “Прощай, ты проиграл!”

– Итак, муж утверждает, что все время находился в игровом салоне? – уточнил Адамберг.

– В отчете было сказано... – начал было Мордан.

– Предпочитаю сам услышать, – отрезал Адамберг.

– Да, так и есть. Говорит, что не отлучался из зала.

– А как он объяснил, почему его собственная машина вся в крови?

– Объяснил наличием любовника. Любовника, который знал ее привычки, мог взять машину, раздавить любовницу, вернуться и поставить машину на то же место.

– Чтобы обвинили его?

– Да, потому что полицейские всегда обвиняют мужа.

– Как он выглядел?

– В смысле?

– Как отреагировал?

– Был ошеломлен – скорее шокирован, чем опечален. Немного пришел в себя, пока мы везли его к нам. Они собирались разводиться.

– Из-за любовника?

– Нет, – произнес Ноэль слегка пренебрежительно. – Дело в том, что такому человеку, как он, адвокату, взлетевшему высоко, жена-простушка только мешала. Это читалось между строк, когда он говорил.

– А жена, – добавил светловолосый Жюстен, – чувствовала себя униженной: он не разрешал ей появляться на коктейлях и ужинах, которые устраивал для знакомых и клиентов у себя в бюро в седьмом округе. Она просила взять ее с собой, он отказывался. Они постоянно ссорились. Она будет “диссонировать”, говорил он, и “не впишется в картину”. Такой вот мужик.

– Отвратный, – заключил Ноэль.

– Он постепенно овладел собой, – добавил Вуазне, – и начал отбиваться, как будто мы пытались загнать его на Каторжную дорогу из его игры. Стал выражаться заумно, употреблять всякие непонятные слова.

– Его обычная стратегия, – заметил Мордан и стал ритмично дергать шеей, высвобождая ее из воротника. За две с лишним недели в нем ничего не изменилось, он по-прежнему походил на цаплю, утомленную жизненными неурядицами. – Подчеркивает разницу между собой, успешным адвокатом, и любовником.

– А он кто?

– Араб, он сам это уточнил прямо с порога, ремонтирует автоматы с напитками. Живет в соседнем доме. Насим Бузид, алжирец, родился во Франции, женат, двое детей.

Адамберг хотел что-то сказать, но промолчал. Он не сумел придумать, как бы, не нарушая приличий, спросить про допрос Насима Бузида, протокол которого наверняка есть в папке. Он ровным счетом ничего не помнил об этом человеке.

– И какое у вас впечатление? – осторожно спросил он, знаком попросив Эсталера принести еще кофе.

– Красивый парень, – констатировала лейтенант Элен Фруасси, повернув к комиссару монитор, где было фото печального Насима Бузида. Длинные ресницы, медовый взгляд, глаза как будто подведены, белоснежные зубы, чарующая улыбка. Его очень любят соседи, он мастер на все руки. Насим меняет перегоревшие лампочки, Насим устраняет протечки, Насим никому не отказывает.

– Из чего муж заключил, что это слабое, покорное существо, – произнес Вуазне. – Ничтожество, которое так и не выбилось в люди.

– Отвратный, – повторил Ноэль.

– Муж ревнив? – спросил Адамберг, с беспечным видом начав делать какие-то пометки.

– Уверяет, что нет, – ответила Фруасси. – Он считает этот брак досадным недоразумением, которое можно исправить разводом.

– Ну и?.. – Адамберг повернулся к Мордану. – Майор, вы, кажется, говорили о стратегии?

– Он делает ставку на инстинкты полицейских, которых, всех до одного, считает зашоренными и недоразвитыми расистами: когда им придется выбирать между состоятельным адвокатом, который говорит так изысканно, что даже непонятно, и арабом-разнорабочим, они нацелятся на араба.

– И что же такого сложного и запутанного он вам наговорил?

– Трудно сказать, – ответил Вуазне, – поскольку лично я не понял. Всякие слова вроде “апперцепция” или... погодите, сейчас... гетеро... “гетерономия”.

– Гетерономия – это какое-то сексуальное отклонение? – спросил Ноэль. – Он употребил это слово по поводу любовника.

Все повернулись к Данглару, рассчитывая на его помощь.

– Нет, он имел в виду несамостоятельность ума. Любопытно было бы поиграть с этим молодцом.

– Я на вас рассчитываю, майор, – произнес Адамберг.

– Все сделаю, – отозвался Данглар, в душе ликуя и ненадолго забыв о настораживающем равнодушии Адамберга и его небрежности. Было совершенно ясно, что комиссар мало что запомнил из его отчета, составленного со всей тщательностью.

– Еще он приводит много цитат, – вставил Меркаде, внезапно вышедший из состояния дремоты.

Меркаде, блистательный специалист по компьютерным делам, уступавший разве что Элен Фруасси, страдал гиперсомнией, и весь комиссариат с пониманием и даже заботой относился к его недугу. Если бы дивизионный комиссар узнал об этом, Меркаде был бы немедленно уволен. Зачем держать сотрудника, на которого каждые три часа наваливается неодолимый сон?

– И мэтр Карвен ждет реакции на свои чертовы цитаты, – продолжал Меркаде, – например, чтоб кто-то хоть одного автора назвал. Он наслаждается нашим незнанием, ему нравится нас унижать, это точно.

– Например?

– Ну вот, – проговорил Жюстен, открывая свои записи. – По поводу Насима Бузида, как всегда: “Люди меньше опасаются лжи, чем вреда, причиненного ложью”.

И снова все выжидающе уставились на Данглара, чтобы он избавил их от многократных унижений со стороны адвоката, но майор из деликатности не стал сразу называть автора, как бы намекая на то, что он ничем не лучше остальных сотрудников комиссариата. Его скромность никто не оценил, но его простили: у кого же еще спрашивать, как не у него, человека сокрушительной эрудиции, знающего все высказывания всех писателей на свете.

– И становится понятно, – подхватил Мордан, – что наш адвокат Карвен любезно подсовывает нам мотив преступления: Бузид хотел убить любовницу, чтобы избежать вреда от измены и не разрушить свою семью.

– А чья это фраза, майор Данглар? – брякнул Эсталер, не обращая внимания на то, что остальные промолчали: то ли он был неисправимо бестактен, то ли, как считали многие, просто глуп.

– Нищше, – чуть помедлив, ответил Данглар.

– Он великий?

– Да, несомненно.

Адамберг некоторое время что-то рисовал, как обычно размышляя над тем, какую таинственную бездну представляет собой феноменальная память Данглара.

– Ага, понятно, – протянул Эсталер с озадаченным видом, вытаращив свои зеленые глаза.

Впрочем, зеленые глаза Эсталера были вытарашены всегда, как будто жизнь неустанно и бесконечно его изумляла. Вероятно, он прав, жизнь удивительна, рассудил Адамберг. К примеру, эта женщина, чудовищно изуродованная колесами и глядящая во тьму широко распахнутыми глазами, – разве она не ошеломляет?

– Но ведь все боятся последствий своей лжи, – сосредоточенно продолжал Эсталер, – и чтобы это понимать, не надо быть великим. Разве что ложь совсем ерундовая, правда ведь?

– Правда, – согласился Адамберг, по обыкновению защищая парня, что приводило всех в недоумение.

Адамберг поднял карандаш. Он нарисовал фигуру своего друга Гуннлаугура, наблюдающего за рыбными торгами в порту. И чаек, целую тучу чаек.

– За и против, – вновь заговорил он. – За одного или за другого?

– Что касается адвоката, – сказал Мордан, – то у него алиби – игровой зал. Правда, оно ничего не стоит, потому что в толпе шумных азартных игроков, прикованных глазами к экранам, вряд ли кто-то заметил бы его пятнадцатиминутное отсутствие. К тому же у него будь здоров какой счет в банке. В случае развода он потерял бы половину от четырех миллионов двухсот тысяч евро, которыми набита его кубышка.

– Четыре миллиона двести тысяч евро! – вздохнул робкий бригадир Ламар, впервые подав голос. – Это же сколько лет нам нужно проработать?

– Даже не пытайтесь считать, Ламар, только напрасно потратите время, – посоветовал Адамберг и поднял руку, призывая к спокойствию. – Продолжайте, Мордан.

– Но у нас нет против него никаких убедительных доказательств. Насим Бузид в более шатком положении, тут реальные улики. В машине мы нашли на коврике перед пассажирским сиденьем три волокна белой собачьей шерсти, а на педали тормоза – прилипшую красную нитку. Анализ показал, что это шерсть собаки Бузида, а нитка – из его ковра-килима, лежащего в столовой. Второй ключ от машины он мог взять из дома своей любовницы. Все ключи у них висят в прихожей.

– А зачем он взял собаку, когда отправился убивать любовницу? – поинтересовалась Фруасси.

– У Бузида жена. Самое лучшее – сказать ей, что он пошел выгулять собаку.

– А если собаку уже выгуливали? – спросил Ноэль.

– Нет, это как раз самое время для прогулки с собакой, – заявил Мордан. – Бузид вполне допускает, что выходил именно тогда, но клянется, что никогда не был любовником Лоры Карвен. Более того, он уверяет, что не знал эту женщину. Может, видел пару раз на улице. Если он не врет, то адвокат Карвен старательно выбирал его на роль козла отпущения. Добыл собачьи волоски, нитку с ковра, тем более что дверь у Бузида можно открыть ногтем. Две улики – по-вашему, это не перебор?

– Да, хватило бы и одной, – согласился Адамберг.

– Это свойственно людям, кичащимся своим интеллектом, – заметил Данглар. – Их ослепляет самодовольство, они низко ставят других и либо перегибают палку, либо что-то упускают. У них датчик неисправен, хотя они считают иначе.

– И еще, – вступил Жюстен, подняв руку, – Бузид говорит, что всегда сажает собаку в переноску, когда берет ее с собой в машину. И действительно, в его собственном автомобиле мы не нашли ни одного собачьего волоска. И ни одной нитки от ковра.

– Они одного роста? – спросил Адамберг, перевернув листок с портретом Гуннлаугура.

– Бузид пониже.

– Значит, должен был отрегулировать под себя сиденье и зеркало заднего вида. В каком положении они находились?

– Для высокого роста. Или Бузид, вернув машину на месте, решил сделать все как было, или так все оставил сам адвокат. Опять мы в тупике.

– А отпечатки в машине? На руле и ручке переключения передач, на дверцах?

– В самолете удалось поспать? – с улыбкой осведомился Вейренк.

– Очень может быть, Вейренк. По-моему, здесь воняет.

– Точно, воняет. Один тупик, потом другой.

– Да нет, говорю же, реально воняет – здесь, в этой комнате. Вы что, не чувствуете?

Все одновременно задрали головы и стали принюхиваться. Забавно, подумал Адамберг, что, когда нужно обнаружить какой-то запах, люди инстинктивно поднимают нос сантиметров на десять. Как будто десять сантиметров могут на что-то повлиять. Сотрудники бригады, движимые животным инстинктом, сохранившимся с начала времен, стали похожи на семейство песчанок, пытающихся уловить в воздухе запах врага.

– Действительно, как будто пахнет морем, – согласился Меркаде.

– Пахнет, как в старом порту, – уточнил Адамберг.

– По-моему, ничем не пахнет, – заявил Вуазне. – Давайте займемся этим позже.

– Так о чем мы говорили?

– Об отпечатках, – напомнил Мордан, сидевший у дальнего конца стола возле Данглара и не чувствовавший никакого запаха.

– Да, правильно. Продолжайте, майор.

– Значит, отпечатки, – снова заговорил Мордан, быстро дергая шеей и пробегая круглыми, как у цапли, глазами, по страничкам записей. – Они применимы и к одной, и к другой версии, потому что все стерты. Либо Бузидом, либо адвокатом, чтобы утопить Бузида. На подголовнике ни единого волоска.

– Как-то все непросто, – пробормотал Меркаде, которому Эсталер принес сразу две чашки крепкого кофе.

– Вот потому мы и решили вызвать вас немного пораньше, – сказал Данглар.

Значит, это был он, заключил Адамберг. Это он заставил его срочно вернуться, вырвав из нежных объятий моря. Комиссар, чуть прищурившись, внимательно посмотрел на своего самого давнего заместителя. Ни малейшего сомнения: Данглар за него боялся.

– Можно взглянуть на них обоих? – попросил он.

– Вы видели их фото, – сказала Фруасси, поворачивая к нему экран компьютера.

– Хочу видеть их в движении, во время допросов.

– На каком этапе допроса?

– Все равно. Лучше даже без звука. Мне нужно только рассмотреть их выражение лица.

Данглар напрягся. Он терпеть не мог эту несносную привычку Адамберга судить по лицам, определяя добро и зло, и открыто упрекал в этом комиссара. Адамберг об этом помнил и почувствовал раздражение своего помощника.

– Извините, Данглар, – сказал он, улыбнувшись своей странной, “неправильной” улыбкой: от нее таяли самые неговорчивые свидетели, она порой обезоруживала даже серьезных противников. – У меня тоже есть цитата в свое оправдание. В Рейкьявике я нашел одну книжку, забытую на стуле.

– Я слушаю.

– Секунду, наизусть я ее, конечно, не помню, – проговорил он, роясь в карманах. – Вот: “Образ жизни формирует душу, а душа формирует физиономию”².

– Бальзак, – сердито проворчал Данглар.

– Совершенно верно. Вы ведь, майор, его любите. – Адамберг радостно улыбнулся и сложил листок.

– Из какой это книжки? – спросил Эсталер.

– Да наплевать из какой, бригадир! – рассердился Данглар.

– Из книжки про одного славного священника, бесхитростного малого, которого свели в могилу злые люди, – объяснил Адамберг, как всегда защищая Эсталера. – Кажется, дело было в Туре.

– А как она называется?

– Уже не помню, Эсталер.

Бригадир разочарованно положил карандаш. Он уважал Адамберга, как и его полную противоположность – могучую Виолетту Ретанкур, и старался во всем подражать комиссару, например, хотел прочесть эту книгу. Подражать лейтенанту Ретанкур он даже не пытался. Ни мужчина, ни женщина – никто не мог бы сравниться с ней, даже самоуверенный Ноэль вынужден был это признать. Данглар, чтобы подвести черту, решил поддержать Эсталера:

– Она называется “Турский священник”.

– Спасибо, – горячо поблагодарил его бригадир и кое-как записал: он страдал дислексией, и письмо ему давалось с трудом. – С названием он явно не заморачивался, этот Бальзак.

– Эсталер, о Бальзаке не говорят, что он “не заморачивался”.

– Хорошо, майор, больше не буду.

Адамберг повернулся к Фруасси.

– Ну что ж, Фруасси, покажите-ка мне физиономии этих двух парней, – сказал он. – А пока я буду смотреть кино, немного отдохните.

Спустя десять минут, сидя в одиночестве перед экраном, Адамберг внезапно осознал, что, за исключением нескольких первых кадров с мэтром Карвеном, он ничего не увидел и не услышал. Исландец Брестир под одобрительными взглядами других моряков позвал его с собой ловить рыбу. Это было большой честью для него, иностранца, данью уважения победителю дьявольского островка, силуэт которого чернел в нескольких километрах от порта.

² Перевод И. Грушецкой.

Адамбергу поручили сортировать рыбу, попавшую в сети, выпускать обратно в море молодь, самок с икрой и несъедобные экземпляры. Последние десять минут он провел там, на скользкой палубе, погрузив руки в собранную сеть и обдирая пальцы о жесткую рыбью чешую. Он пересилил себя и вновь взглянул на физиономию мэтра Карвена, перевел компьютер в спящий режим и вышел к своим сотрудникам, которые разбрелись по просторной рабочей комнате.

– Ну что? – спросил его Вейренк.

– Пока еще рано что-либо говорить, – уклончиво ответил Адамберг. – Надо будет еще раз посмотреть.

– Конечно, – улыбнулся Вейренк.

Пропитанный морем, ускользающий, подумал он.

Адамберг сделал было знак Фруасси, что хочет дальше смотреть видеозапись, но вдруг замер.

– Здесь и в самом деле воняет, – озадаченно произнес он. – Запах идет из той комнаты.

Комиссар, на десять сантиметров подняв вверх нос, учуял тошнотворную вонь и, словно ищейка, пошел за этот запах, пересек комнату и остановился у кабинета Вуазне. Вуазне был отличным полицейским и в то же время несостоявшимся ихтиологом: об ихтиологии он страстно мечтал с юности, но отец запретил и думать об этом, и теперь лейтенант предавался своему любимому занятию тайком. Даже Адамберг в конце концов выучил слово “ихтиолог”: Вуазне – специалист по рыбам, в особенности пресноводным. Все давно привыкли, что у него под столом валяются стопки всяких журналов и брошюр по этой тематике, и Адамберг смотрел на хобби лейтенанта сквозь пальцы, хоть и до определенного предела. Но впервые из владений Вуазне шел настоящий мерзкий рыбный запах. Адамберг быстро обежал кабинет и вытащил из-под стула большой пластиковый пакет для заморозки. Вуазне, маленький, коротконогий, с густыми черными волосами, круглым животиком и полными розовыми щеками, принял позу, исполненную достоинства – насколько позволяла фигура. Всем своим видом он показывал, что его несправедливо обвинили и осмеяли.

– Это мои личные вещи, комиссар, – громко проговорил он.

Адамберг одним движением сорвал зажимы, раскрыл мешок и в ужасе отпрянул. Мешок упал на пол с тяжелым хлюпающим звуком. Комиссара уже много лет ничто не ужасало. Ему это было несвойственно, потому что он не отличался повышенной возбудимостью, скорее пониженной. Но тут он испытал настоящее потрясение, и не из-за ударившего в нос омерзительного запаха, а из-за открывшегося ему жуткого зрелища. Это была голова какой-то страшенной твари с застывшими глазами и зияющей пастью с острыми, как кинжалы, зубами.

– Что это за дерьмо?! – завопил Адамберг.

– Мой поставщик... – начал объяснять Вуазне.

– Но это не ваш поставщик!

– Нет, это атлантическая мурена мраморной окраски, – с достоинством ответил Вуазне. – Точнее, голова мурены и примерно шестнадцать сантиметров туловища. И это вовсе не дерьмо, а великолепный экземпляр, самец длиной один метр пятьдесят пять сантиметров.

Адамберг крайне редко терял самообладание, и потрясенные сотрудники стали тихонько подходить один за другим, что-то бормоча и зажав носы, заглядывали в мешок и тут же уходили прочь. Даже ко всему привычный лейтенант Ноэль прошептал: “Всякое бывает, природа тоже иногда ошибается”. Только великанша Ретанкур никак не прореагировала на мерзкую зубастую голову, развернулась и невозмутимо отправилась на рабочее место. Данглар тихонько посмеивался, радуясь этой суматохе, которая, как он полагал, поневоле вернет комиссара с небес на землю, к нормальным человеческим эмоциям. Адамберг, напротив, был раздосадован. Он сожалел, что уехал с острова Гримсей, что с перепугу отскочил от мешка и раскричался, сожалел, что так тупо реагирует на жуткую гибель маленькой женщины под колесами внедорожника.

– Да, реально, мурена – это нечто! – произнес окончательно обалдевший Эсталер. Вуазне с оскорбленным видом подобрал свой мешок.

– Я унесу ее домой, – заявил он, обводя коллег снисходительным взглядом, словно перед ним были ограниченные, закосневшие в предрассудках оппоненты.

– Хорошая идея, – сказал Адамберг, почти успокоившись. – Вашей жене понравится подарок.

– Отнесу к матери и попрошу выварить.

– Вам не откажешь в здравом смысле. Только мать способна все простить.

– Я за нее заплатил много денег, – сурово заметил Вуазне, желая подчеркнуть ценность своего приобретения. – У моего торговца рыбой иногда появляются исключительные экземпляры. Два месяца назад он привез целую рыбу-меч с метровым носом. Настоящее сокровище. Но у меня не хватило средств, чтобы ее купить. С муреной все получилось, потому что она уже слегка протухла. Я ее тут же взял.

– Все это понятно, – сказал Адамберг. – Немедленно увезите эту мерзость, Вуазне. Могли бы ее оставить снаружи, во дворе. Нам теперь и за три дня помещение не проветрить.

– Во дворе? Чтобы ее стащили?

– Да, реально, мурена – это нечто, – повторил Эсталер.

Вуазне с признательностью взглянул на бригадира. Проскользнул к столу и быстрым движением захлопнул компьютер. Потом без особого изыска – он вообще им не отличался, – зато с некоторым вызовом, держа трофей на вытянутой руке, вышел за дверь, оставив за ней своих невежественных коллег. Чего еще ожидать от полицейских?

– Все к окнам, открывайте настежь! – скомандовал Адамберг. – Фруасси, идите сюда и включите видеозапись с самого начала.

– Вы что-то уже посмотрели?

– Вполне возможно, – соврал Адамберг. – Подождите, оставьте меня на минуту.

Соблюдая предосторожность, он вновь обошел кабинет своего коллеги-ихтиолога. Почему Вуазне перед уходом решил спрятать от посторонних глаз то, что у него на экране? Комиссар вновь зажег монитор, увидел последнюю открытую страницу. На ней не было ни мурены, ни чего-либо относящегося к работе. Только фото маленького коричневого паука, на вид совершенно невзрачного. Недовольный Адамберг вывел на экран одну за другой странички из сети, которые открывал лейтенант. Пауки, снова пауки, одно и то же, статьи по зоологии, места обитания во Франции, повадки и пищевые привычки, степень опасности, периоды размножения, газетные публикации с пугающими заголовками:

ПАУК-ОТШЕЛЬНИК ВЕРНУЛСЯ?

ЖЕРТВА В КАРКАССОНЕ

НУЖНО ЛИ ОПАСАТЬСЯ КОРИЧНЕВОГО ОТШЕЛЬНИКА?

ВТОРОЙ ПОГИБШИЙ В ОРАНЖЕ

Адамберг захлопнул крышку ноутбука. Фруасси, элегантная, прямая, стройная, ждала его. Она непостижимым образом ухитрялась сохранять безупречную фигуру, хотя, движимая неукротимым страхом перед голодом, постоянно поглощала огромное количество пищи – как ей казалось, незаметно для окружающих.

– Лейтенант, – обратился к ней Адамберг, – выловите-ка мне файлы, которые просматривал Вуазне за последние три недели. Все, что касается паука.

– Какого паука?

– Паука-отшельника. Он же паук-скрипач. Вы о нем слышали?

– Вроде бы нет.

– Пауками он обычно не занимается. Он нам много рассказывал о серых воронах, о сонях и их помете, о рыбах, и это понятно. Но о пауках – никогда. Мне хотелось бы знать, куда занесло нашего лейтенанта.

– Рыться в компьютере коллеги не очень прилично.

– Не очень. Но мне все же хотелось бы знать. Можете перекинуть материалы мне на почту?

– Конечно.

– Прекрасно, Фруасси. И не оставляйте следов.

– Я никогда не оставляю следов. А что мне сказать коллегам, когда они спросят, что я делаю за рабочим столом Вуазне?

– Скажите, что он сообщил о какой-то ошибке и вы, пока его нет, пытаетесь ее исправить.

– У него в кабинете ужасно воняет.

– Да, Фруасси, я знаю.

Глава 3

На сей раз Адамберг сумел сосредоточиться на допросах пролетария Насима Бузида и надменного мэтра Карвена. Он просматривал по многу раз некоторые фрагменты, где адвокат бесцеремонно демонстрировал свое превосходство и цинизм. Свою “стратегию”, как назвал это Мордан, но прежде всего характер. Адамберг сделал вывод, что майор неверно оценил истинную сущность стратегии Карвена.

Мордан: Остаток на вашем банковском счете составляет четыре миллиона двести семьдесят шесть тысяч. Еще семь лет назад у вас не было и малой доли этой суммы.

Карвен: Вы что-нибудь слышали о массовом возвращении налоговых беглецов? Прилагающих огромные усилия, чтобы договориться с государством о благоприятном перерасчете своих налогов? Для адвокатов это золотое дно, можете мне поверить. Вдобавок ко всему следует хорошо во всем разбираться. Разумеется, в праве, но особенно в тонкостях права. Дух и буква закона – слышали, наверное? Я на стороне духа и его неизмеримой гибкости.

Буазне: ...

Карвен: Но я не улавливаю связи со смертью моей жены.

Мордан: Знаете, я все думаю: почему вы, имея столько денег, упорно снимали маленькую трехкомнатную квартиру на первом этаже в унылом тупике Буржон.

Карвен: Какая разница? Я целыми днями работаю у себя в конторе, включая выходные. Возвращаюсь поздно и сразу ложусь спать.

Буазне: Вы ужинаете дома?

Карвен: Редко. Жена моя хорошо готовит, но мне нужно поддерживать связи. Связи – это, знаете ли, сад, за которым надо постоянно ухаживать.

– Грубая аллюзия на Вольтера, – прошептал Данглар, тихонько устроившись позади Адамберга. – Как будто у этого хлыща есть право его цитировать.

– Отвратный, – констатировал Адамберг.

– Но ему удалось выбить из колеи Буазне.

Буазне: ...

Карвен: Оставьте, лейтенант. Я отдаю себе отчет в том, что вы стараетесь доказать, будто я имею отношение к смерти моей жены.

Мордан: Но ведь вам ее чуть было не пришлось ждать³.

Они заметили, что Карвен в ответ только пожал плечами. Данглар поморщился.

– Попытка неплоха, – заметил он, – но не ко времени. Они оба растеряны.

– Данглар, почему на их месте не вы?

– Мне хотелось, чтобы Карвен в полной мере применил против нас свою тактику уничтожения. Раздавил полицейских, как и свою жену, что вполне вероятно. Возможно, так он проявляет скрытую агрессию. Но я не понял, какова его цель. Унизить полицейских? Это не поможет ему подчинить их своей воле, скорее наоборот...

– Он их не унижает, Данглар, а возвышается над ними. Это разные вещи. Наш зоолог Буазне сказал бы, что свора полицейских готова смиренно подчиниться воле доминирующего самца. А ведь Карвен одержал верх над доминирующим – с точки зрения служебного положе-

³ Намек на знаменитую фразу “Мне чуть было не пришлось ждать”, произнесенную королем Людовиком XIV, когда ему не сразу подали карету.

ния – самцом, майором Морданом. Вам выпады мэтра Карвена нипочем: вы ведь сами доминирующий самец.

– Я? – изумился Данглар.

– *Já*, – подтвердил Адамберг. [Да.]

Взволнованный Данглар потерял дар речи: он всегда считал, что жизнь у него состоит из сплошных тревог и неудач, единственное приятное исключение – пятеро его детей.

– Наверное, зря вы все-таки не захотели сами вести этот допрос, Данглар. Вы рассказали бы в лепешку адвоката, и команда почувствовала бы себя сильнее. Парни только делают вид, будто относятся к нему свысока, называя отвратным – хотя это чистая правда, – ведь на самом деле они ему уже почти подчинились. А значит, утратили способность здраво рассуждать о том, кто виновник убийства.

– Цитировать к месту и не к месту Вольтера или Ницше еще не значит доминировать.

– Все зависит от контекста. Здесь он упирает на то, что у сотрудников комиссариата культурный уровень явно не на высоте. Вооружившись этим, он атакует нас, бьет по больному месту. Черт побери, вам надо было ввязаться в схватку, Данглар!

– Извините, я воспринимал все совсем не так.

– Но еще не поздно.

Мордан: Ваша жена, как известно, проводила дома каждое утро и каждый вечер. В течение скольких лет?

Карвен: Пятнадцати лет.

Мордан: Вам никогда не хотелось поселить ее в более светлой квартире, в другом районе, не таком безлюдном по вечерам, когда она возвращалась домой?

Карвен: Майор, нельзя отрывать моллюска от камня.

Мордан: То есть?

Карвен: Если бы я совершил такую ошибку и увез жену в другое место, я оборвал бы ее корни, да что там, обрубил бы топором. Эту квартиру я сохранил ради нее. Она потеряла бы все психологические ориентиры, поселившись под высокими потолками османовских хором.

Буазне: Вы не верите в способность к адаптации, главное свойство рассудка?

– Буазне пытается перехватить инициативу, – заметил Адамберг. – Он на своем поле: живность.

– И ничего из этого не получится.

– Да, знаю. Я уже дважды просмотрел этот кусок.

Карвен: Лейтенант, моя жена не отличалась большим умом.

Мордан: Что же вас тогда заставило на ней жениться?

Карвен: Ее смех, майор. Я не умею смеяться. Ее смех дарил радость жизни, притягивал всех и каждого, даже этого араба. Это был не вульгарный хохот с раскатами и взрывами, ее смех сеялся крошечными звонкими каплями, напоминая о Сёра, если можно так выразиться.

Мордан: ...

Карвен: Мне будет не хватать этого смеха.

Буазне: Меньше, чем двух миллионов, которые она забрала бы у вас в случае развода.

Карвен: Смех, помогающий жить, нельзя измерить в цифрах. Даже если бы мы развелись – а мы еще не приняли окончательного решения, – я по-прежнему черпал бы понемногу из этого источника.

– Я увидел достаточно, – заявил Адамберг, резко выключив видео.

– А Насим Бузид?

– Уже.

– Что скажете об этих людях? Об их “физиономиях”.

– Есть разные знаки, морщины, отметины, движения. Но этого мало. Прежде чем отправиться на работу, я проехал от игрового зала до места убийства и обратно по переулкам. И нашел там кое-что интересное.

– Мы уже хронометрировали маршрут.

– Дело не в этом, Данглар. Речь идет о гравии, рассыпанном в зоне дорожных работ.

– И что же?

– Мы ведь согласны с тем, что среди миллиардов одуванчиков, растущих на земле, не существует двух одинаковых?

– Разумеется.

– То же самое можно сказать и о водителях. Нет двух одинаковых. Вызовите одуванчика номер один, Карвена, на два часа дня, а одуванчика номер два, Бузида, на три часа. Совершив поездку. И пригласите экспертов, которые снимали следы протекторов, пусть они будут на месте к моему возвращению.

– Прекрасно, хватит времени сходить пообедать.

– *Drekka, borða*, – произнес Адамберг. [Есть, пить.]

Отлично, подумал Данглар, Адамберг говорит по-исландски. Любопытно, как он сумел выучить целых три слова? Кажется, после инцидента с муреной он потихоньку возвращается.

– И еще кое-что, Данглар, – сказал Адамберг, вставая с места. – Примерно в два тридцать, когда я вернусь после поездки с Карвеном, допросите его. Но на сей раз навяжите ему свою игру. Хочу, чтобы вы сбили с него спесь. Запись беседы должны получить все сотрудники комиссариата. Это поможет им привести в порядок мысли. Хочу, чтобы у всех сформировалось одинаковое восприятие и адвоката, и Бузида. Воспользуйтесь тем же оружием и раздавите его.

Данглар вышел чуть более твердой походкой, шагая немного ровнее, чем обычно, приободренный только что присвоенным ему званием доминирующего самца, в которое ничуть не верил.

Какая роль в деле отводится гравию, он совершенно не понял.

Глава 4

Мэтр Карвен был человеком хладнокровным, ни вспыльчивым, ни холериком, и когда Ламар и Керноркян в разгар рабочего дня явились в его кабинет, чтобы отвезти в полицию, он попросил подождать пять минут, пока он закроет страницу, и без возражений последовал за ними.

– В чем дело на сей раз?

– Вас вызывает комиссар, – начал объяснять Керноркян.

– А, тот самый? Значит, он вернулся? Я о нем слышан.

– Он хочет видеть вас и Насима Бузида.

– Совершенно нормальное желание. Я готов говорить с ним столько времени, сколько он сочтет нужным.

– Не думаю, что он хочет поговорить, он собирается совершить с вами поездку на машине.

– Это уже несколько менее нормально. Но думаю, он знает, что делает.

Адамберг пообедал у себя в кабинете, на сей раз читая отчет, который получил в аэропорту Рейкьявика. По обыкновению, он читал стоя, расхаживая по комнате. Комиссар крайне редко работал сидя, стараясь по возможности этого избегать. Все время, пока он читал и еле слышно проговаривал слова, на что требовалось дополнительное время, ему никак не удавалось прогнать паучка Вуазне, который постоянно заползал в его мысли то с одной стороны, то с другой. Паучок проявлял осторожность, словно желая остаться незамеченным, не побеспокоить комиссара. Но уже беспокоил, поскольку Адамберг знал, что стараниями Фруасси это существо поселилось у него в компьютере. Комиссар положил отчет на стол и включил монитор. Лучше выяснить все до конца, и пусть этот паук убирается восвояси. Лучше узнать, что накопал Вуазне, читавший об этой твари нынче утром, в то время как ему следовало готовиться к совещанию и пристраивать куда-нибудь свою тухлую мурену. Почему же он, несмотря ни на что, снова вытащил на экран изображение паука-отшельника?

По-прежнему стоя, он открыл послание Фруасси и изучил историю поисков в интернете: лейтенант следил за пауком восемнадцать дней. В это утро он просматривал основные местные газеты Лангедок-Руссильона и снова заходил на форумы, где обсуждалась эта тема. О пауке-отшельнике велись яростные споры. В них участвовали пугливые обыватели, псевдо-знатоки, прагматики, экологи, паникеры. Вуазне загрузил также новости, датированные прошлым летом, когда шесть укусов паука-отшельника в том же регионе взбудоражили журналистов некоторых общенациональных ежедневных газет. И все потому, что неизвестно откуда прилетел неприятный слух, будто во Франции объявился американский коричневый паук-отшельник, который считается опасным. Где он обитает и какова его численность? Все пребывали в ужасе до тех пор, пока один настоящий специалист не вмешался и не положил конец суматохе: нет, американский паук никогда не ступал ни одной лапой на землю Франции. Зато на юго-западе страны всегда проживал один из его родственников, чьи укусы не смертельны. Вдобавок ко всему он очень пуглив, неагрессивен, живет в норах, так что для человека риск встретиться с ним крайне невелик. Речь идет именно об этом пауке, *Loxosceles rufescens* – Адамберг не сумел произнести его название. И паника улеглась.

Пока маленький паучок этой весной не укусил двух стариков. И на сей раз обе жертвы погибли. И на сей раз их действительно убил паук. Многие полагали, что причиной тому их преклонный возраст. Эти две смерти развязали широкую дискуссию: реплики занимали более сотни страниц, как показалось Адамбергу при беглом просмотре. Он взглянул на часы на экране. 13:53, вот-вот придет мэтр Карвен. Адамберг прошел через большую рабочую

комнату, в которой до сих пор воняло, несмотря на открытые окна, и взял из шкафчика ключ от единственной в комиссариате дорогой машины. Что Вуазне нашел в этом проклятом пауке? Два человека умерли, наверняка их слабая иммунная система просто не справилась с ядом, все так, но стоило ли из-за этого так упорно, как лейтенант, восемнадцать дней кряду отслеживать ситуацию? Разве что среди пострадавших – кто-то из его близких, друг, родственник. Адамберг прогнал паука и ускорил шаг, чтобы перехватить адвоката на улице у входа, прежде чем полицейские, забывшись, проведут его в зловонное пространство, в которое превратилось их рабочее помещение.

– Комиссар, вы ради него взяли представительскую машину? – осведомилась Ретанкур, проходя мимо. – Оказывается, на вас тоже подействовало высокомерие мэтра Карвена?

Адамберг наклонил голову и с улыбкой посмотрел на нее:

– Вы уже меня забыли, Ретанкур? За каких-то семнадцать дней?

– Нет. Должно быть, я чего-то не заметила.

– Не заметили, лейтенант. Гравий. На обратном пути в зал видеоигр.

– Гравий, – повторила она задумчиво. – Не могли бы вы немного уточнить?

– Ну конечно. На свете нет двух одинаковых одуванчиков, как и водителей. Вот и все.

– Вот и все. А Данглар боялся, что вы изменились.

– Скорее всего, стал хуже, но в целом ничего страшного. Скажите, – продолжал он, вертя кольцо с автомобильным ключом на кончике пальца, – что вы думаете о потерянном дубликате ключа от машины? Это серьезный вопрос.

– И простой. Комиссар, дубликат, скорее всего, не потерян.

– А если все же потерян?

– Будем искать до изнеможения. Дубликат ключа – одна из причин того, что мы топчемся на месте.

– А я потерял мобильник на Гримсее.

– Где именно?

– Уронил в овечью лепешку, и овца на него наступила.

– Вы не пытались его откопать?

– Ретанкур, вы недооцениваете силу копыт овцы. Телефон наверняка разбился.

– И теперь вы без телефона?

– Взял у кота. Тот, что лежит рядом с ним на ксероксе. Он плохо работает. Думаю, кот однажды на него надул. Видимо, у всех моих мобильных фекальная судьба. Не знаю, можно ли брать его в руки.

– Ничего он не сделал с этим телефоном, – возразила Ретанкур, которая пуще глаза берегла кота, носившего имя Пушок. – Но он действительно пишет “д” вместо “в” и “у” вместо “а”.

– Так и есть. Значит, если получите послание: “Дыезжую”, оно от меня.

– Это существенно упростит работу. Ничего страшного.

– Конечно.

– Как они там? – спросила она, понизив голос. – Гуннлаугур, Рёгнвар, Брестир?..

– Шлют вам дружеский привет. Вы, наверное, не поверите, но Рёгнвар вырезал ваш портрет на лопасти весла.

Адамберг был рад снова видеть Ретанкур, но не умел это показать, разве что несколькими жестами. Случалось, что эта “универсальная богиня”, как он ее называл, – метр восемьдесят пять, сто десять килограммов, энергия, как у десятка мужчин, – производила на него такое впечатление, что он терял присущую ему непринужденность. Обладавшая несравненной физической мощью и непоколебимой логикой Ретанкур представлялась Адамбергу сказочным деревом, на ветвях которого могут найти надежное и безопасное пристанище сразу все сотруд-

ники комиссариата, заблудившиеся ночью в сотрясаемом бурей лесу. Кельтский дуб. Конечно, несмотря на ее незаурядные достоинства, лейтенант не претендовала на женское очарование, и Ноэль не упускал случая ей об этом напомнить, иногда довольно грубо. Хотя черты у Ретанкур были изящные, правда, лицо по форме напоминало квадрат.

Он остановил черную блестящую машину перед входом в здание в тот самый момент, когда Керноркян и Ламар вели тула Карвена, который окинул Адамберга внимательным взглядом. Поношенные черные брюки и пиджак, линялая футболка, по-видимому изначально серая или голубая, – все это как-то не сочеталось с представлением мэтра Карвена о прославленном комиссаре уголовной полиции. Адвокат протянул Адамбергу руку:

– Похоже, господин комиссар, вы намерены со мной прокатиться?

Не дожидаясь ответа, Карвен направился к пассажирскому месту.

– Мэтр, – окликнул его Адамберг и протянул ключ, – мне хотелось бы, чтобы за руль сели вы.

– Да? Хотите проверить мои водительские навыки?

– Это не помешает.

– Как пожелаете, – произнес адвокат, обходя машину.

Тон голоса Карвена по-прежнему звучал слегка вызывающе, но Адамбергу показалось, что с ним мэтр более любезен, чем с его подчиненными. По мнению этого типа, постоянно демонстрировавшего свое превосходство, Адамберг был начальником, и из осторожности Карвен невольно соблюдал дистанцию. Пусть даже человек ходит в старом дешевом пиджаке и невелик ростом – если он начальник, не стоит относиться к нему пренебрежительно.

– Могу предположить, – сказал адвокат, усаживаясь за руль, – что этот автомобиль не принадлежит вашему комиссариату. Или нам говорят неправду о финансовых средствах полиции.

– Это машина дивизионного комиссара, – сообщил Адамберг, пристегиваясь. – Мне кажется, что вы водите хорошо, но быстро. А я должен вечером вернуть машину в целости и сохранности. Так что не забывайте об этом, пожалуйста.

Карвен завел мотор и улыбнулся:

– Откройте секрет: куда мы едем?

– На стоянку перед залом видеоигр.

– А потом на место убийства моей жены?

– Для начала да.

Адвокат выехал на шоссе, не глядя, включил поворотник, вырулил налево.

– Думаю, вы проиграете это и с Бузидом?

– С Бузидом? Да, разумеется.

– Признаюсь, комиссар, я не понимаю, какую цель вы преследуете.

– Если вас это успокоит, я и сам пока не знаю.

– Да я не беспокоюсь. Хорошая машина, очень хорошая.

– Вы любите машины?

– Какой мужчина их не любит?

– Я, например. Совершенно к ним равнодушен.

Припарковав машину у игрового зала, потом проехав по улице Шато-де-Рантье, Карвен остановился на красный свет на том самом перекрестке, где принадлежащий ему внедорожник раздавил его жену.

– Ну вот, комиссар. Что дальше?

– Поезжайте обратно, к залу видеоигр, так же как убийца.

Адвокат презрительно усмехнулся этой незатейливой уловке полицейского.

– Скажите, какой дорогой мне ехать.

– По боковым улицам. Сверните сначала направо, потом еще три раза направо – и мы на месте.

– Понял.

– Будьте внимательны, на улице Ормье ведутся работы, дорога, кажется, разбита.

– Не волнуйтесь, комиссар, с вашей машиной все будет в полном порядке, – заверил Карвен, трогаясь с места.

Четырьмя минутами позже они снова проехали мимо игрового зала. Адамберг сделал адвокату знак ехать дальше, в комиссариат.

– Прошу вас, зайдите, – сказал он. – С вами хотел побеседовать майор.

– Не вы?

– Нет, не я.

– Майор? Я ведь с ним уже проговорил бог знает сколько времени.

– Это другой.

– У вас чем-то пахнет, – заметил Карвен, подняв голову.

– Нам кое-что доставили, – пояснил Адамберг.

Им навстречу вышел Данглар. Мэтр Карвен оглядел его: высокий некрасивый мужчина с голубыми, слишком светлыми глазами, сутулый, с неуклюжей походкой, в безупречно скроенном английском костюме. Адамберг заметил, что адвокат слегка напрягся, и вовсе не потому, что Данглар был прекрасно одет. Карвен угадал в майоре противника, какого ему еще не доводилось встречать.

– Насим Бузид уже здесь, комиссар, – сообщил Данглар.

– Вот и отлично, сейчас поедем.

Подозреваемые столкнулись, проходя через зал: одного сопровождал Данглар, другого – Адамберг.

– Бузим, мразь! – завопил адвокат. – Что она тебе сделала, скажи? Подонок, дикарь! Ты из какого клана? Может, из ассасинов? Наемных убийц?

Адамберг и Данглар подхватили под руку своих подопечных и с помощью примчавшихся на подмогу Ретанкур и Ламара растащили их в разные стороны. Бузид достался лейтенанту Ретанкур, в результате чего неведомым образом переместился назад, метров на шесть.

– Я с ней даже не знаком, с вашей женой! – выкрикнул Бузид.

– Гнусный лжец! Разве Коран не запрещает врать?

– С чего ты взял, что я знаю Коран? Я вообще в бога не верю, дебил!

– Я тебя убью, Бузим!

Мужчин в конце концов увели, и Адамбергу пришлось на улице еще минут пять успокаивать Насима Бузида, который дрожащим голосом твердил, как ребенок, что “тот первым начал”. Комиссар устроился на водительском месте и стал ждать, пока Бузид придет в себя и будет готов сесть за руль.

Он велел ему проехать тем же маршрутом, что и адвокат, только не один раз, а дважды. Прежде чем тронуться с места, Бузид довольно долго изучал приборную доску, потом, в отличие от Карвена, говорил всю дорогу – которую ему, как и адвокату, пришлось указывать – о семье, о работе, о чокнутом адвокате, о сбитой женщине, не только не бывшей его любовницей, но и вовсе ему незнакомой. Правда, это ужасно – вот так наехать на женщину и ее задавить? Он не изменял своей супруге, нет, никогда, у него и времени-то на это нет. К тому же жена – да, есть у нее такой недостаток – за ним постоянно следит. И что же? Разве он смог бы завести любовницу? В магазин, где работала та женщина, его никогда не посылали, он там ничего не ремонтировал. Бузид услужливо предложил бесплатно отремонтировать автомат для напитков у них в комиссариате, если тот сломается. Поскольку автомат перестал выдавать суп, все о нем забыли.

По возвращении Адамберг передал машину в распоряжение экспертов, четко объяснив, чего от них хочет, – по поводу отпечатков шин и автомобиля дивизионного комиссара и внедорожника адвоката. На самом деле у него был к ним всего один вопрос, зато срочный. Данглар, чуть менее бледный, чем обычно, вышел из своего кабинета и проводил адвоката к выходу. Карвен прошел мимо, стиснув челюсти, ни на кого не глядя, даже не попрощавшись с комиссаром. Было понятно, что матч завершился со счетом 10:0 в пользу Данглара, который – Адамберг не сомневался – тонко провел игру. Придешь с мечом – от меча и погибнешь.

Адамберг, сложив руки на груди, побродил немного по рабочей комнате. Тем временем Вуазне вернулся на свое место, по дороге убедившись в том, что в помещении действительно пахнет старым рыбным портом. Окна были распахнуты настежь, по кабинетам гулял жуткий сквозняк, каждый, как мог, пытался уберечь свои бумаги, придавив их стаканом с карандашами, или ботинком, или даже банкой консервов – охотничьим паштетом и пюре из утки с зеленым перцем – из припрятанных в шкафу запасов лейтенанта Фруасси. Благодаря новому причудливому оформлению столов помещение в целом стало похоже на барахолку или благотворительную распродажу, и Адамбергу оставалось только надеяться, что дивизионному комиссару не придет в голову лично явиться за своим седаном, иначе он обнаружит, что половина сотрудников комиссариата сидит босиком в вонючей комнате.

– Фруасси, отправьте запись проведенного Дангларом допроса мэтра Карвена всем нашим сотрудникам. Чем скорее, тем лучше: будет забавно. Но прежде увеличьте мне изображение рук Карвена во время первого допроса – кончики пальцев, точнее, ногти, крупным планом, и разрешение как можно более высокое.

Фруасси работала быстро и спустя несколько минут показала Адамбергу картинку левой руки.

– У меня лучше получается, когда сначала одна рука, потом другая.

– Можете усилить контраст?

Фруасси усилила.

– Увеличьте еще.

Адамберг наклонился к экрану, долго в него всматривался и наконец откинулся назад, очень довольный.

– Можете сделать то же самое с правой рукой?

– Уже делаю, комиссар. Что вы на ней ищете?

– Вы заметили, что у него выпуклые ногти? Я имею в виду, что их край слегка загибается внутрь и они напоминают раковину. Видите? Полицейским такие ногти нравятся больше всего: под ними надежнее сохраняются частички разных веществ.

– Каких веществ?

– Лично я ищу грунт. Темно-коричневый грунт.

– Я этим займусь.

– Чем, Фруасси?

– Постараюсь показать вам коричневые оттенки как можно четче. Вот.

– Превосходно, лейтенант. Где вы видите грязь?

– Под углами ногтей больших и безымянных пальцев.

– Да, и сегодня она еще оставалась под ногтем на большом пальце. Оттуда ее труднее всего вычистить, особенно если влажный и вязкий грунт попал под загнутый ноготь.

– Или если это моторная смазка.

– Нет, – возразил Адамберг, постучав по экрану, – это земля. Вам не кажется странным, что у такого озабоченного своей внешностью мужчины под ногтями земля или смазка – все равно что?

– Вдруг он что-нибудь сажал? Июнь на пороге.

– Он заставил бы жену. Не могли бы вы распечатать мне эти крупные планы? А потом разошлите видеозапись допроса, который провел Данглар. Это поможет всем прояснить мысли.

Группа экспертов, занимавшихся отпечатками, упаковывала оборудование на заднем дворе.

– Порадовать нечем, комиссар, – сказал Адамбергу руководитель группы. – На ветровом стекле машины дивизионного комиссара есть следы, причем даже двух пальцев, большого и указательного, а на стекле внедорожника – ничего. Не всякий раз везет.

– По-моему, лучше быть не может. Пришлите мне отчет как можно быстрее, и обязательно снимки обоих ветровых стекол.

– Только завтра, не раньше, комиссар. Нам до вечера еще два места преступления нужно обследовать.

Рабочая комната пустела, команда собиралась смотреть видео в зале капитула. Адамберг перехватил на ходу лейтенанта Вуазне.

– Вуазне, возьмите свой фотоаппарат, лопатку, перчатки и пакет для вещдоков. Я прихвачу металлоискатель. Нам недалеко, в тупик Буржон.

– Но, комиссар, – запротестовал Вуазне, подозревая, что Адамберг таким образом решил его наказать, – мне хочется посмотреть, как Данглар раскатал того типа.

– Потом посмотрите, еще больше насладитесь в одиночестве.

Вуазне заглянул в лицо Адамбергу: тот, судя по всему, напрочь забыл о происшествии с муреной, списал в архив. Скорее мурена не хотела их покидать, оставив незабываемый зловонный след. Хотя Вуазне знал, что комиссар быстро выбрасывает из головы обиды и неприятности, он с трудом в это верил, потому что сам запоминал их надолго.

Очувтившись у дома супругов Карвен, Адамберг некоторое время бродил по короткому и широкому тупику, больше напоминавшему двор.

– Три каштана, – произнес он. – Очень хорошо.

– Я мог бы вам на месте это сказать, комиссар. Если хотите обыскать квартиру, напоминаю: мы ждем ордера от судьи. Все случилось в выходные, а сейчас он по-прежнему изучает документы. Понимаете, изучает!

– Пусть себе изучает, Вуазне, мне и не нужно входить внутрь.

– И зачем же мы сюда притащились?

– Скажите мне, Вуазне, вы разбираетесь в пауках?

– Это не моя сфера, комиссар. К тому же она безгранична. Только представьте себе, в мире сорок пять тысяч видов пауков.

– Жаль. Ничего особенного, лейтенант, но я думал, что вы кое-что для меня проясните. Я только что вернулся из Исландии и стал просматривать новости. Кроме военных столкновений и стремительного загрязнения природы мое внимание привлекла история про паука.

Вуазне насторожился и сдвинул густые черные брови.

– Про какого паука?

– Про того, которого называют отшельником, который снова начал кусать людей в Лангедок-Руссильоне и на сей раз двоих убил, – сказал Адамберг, доставая из багажника металлоискатель. – Начнем с этого дерева, в середине тупика. Снимаем решетки, Вуазне.

Вуазне молча смотрел, как Адамберг включает прибор. Его озадачили рассуждения комиссара, заплутавшие между трех каштанов и перешедшие на паука-отшельника. Он взял себя в руки и стал следить за круговыми движениями металлоискателя.

– У этого ничего, – произнес Адамберг. – Карвен оказался менее хитроумным, чем я думал. Пойдем к тому, что прямо напротив его дома.

– А что мы ищем? – спросил Вуазне. – Металлического паука?

– Скоро сами увидите, – ответил Адамберг, улыбнувшись. – Не пожалеете, что не посмотрели видео. Значит, вы ничего не знаете о пауках-отшельниках и их укусах?

– На самом деле знаю, я немного в курсе дела, – наконец признался Вуазне, несколько раз обойдя вокруг дерева.

– Более чем в курсе. Почему, Вуазне?

– Давным-давно моего деда укусил в ногу паук-отшельник. Началась гангрена, пришлось ампутировать ногу ниже колена. Он выкарабкался, но остался калекой. Он так любил бегать рано утром, до рассвета, даже когда ему было уже восемьдесят шесть. Я иногда бегал вместе с ним, и он мне говорил: “Слушай, малыш, это час равновесия. Прислушайся к звукам: одни звери засыпают, другие проснулись и поднимаются. Слышишь, как шелестят, закрываясь, головки цветов?”

– Головки цветов?

– Да.

– Они правда издают звуки, когда закрываются?

– Нет. Дед больше не мог бегать, зачах и через девять месяцев умер. Ненавижу пауков-отшельников.

Оба замерли. Металлоискатель издал резкий сигнал.

– Может, это монета, – предположил Вуазне.

– Дайте мне перчатки.

Адамберг внимательно осмотрел примерно четверть круга, где сработал прибор, и указал пальцем на маленький пяточок:

– Нет сухих листьев. Здесь недавно копали.

– Что мы все-таки ищем? – настойчиво повторил Вуазне.

Комиссар осторожно вырыл углубление диаметром десять и глубиной примерно восемь сантиметров. Потом остановился и посмотрел на Вуазне:

– Дубликат ключа от машины – одна из причин того, что мы топчемся на месте. Зачем было его терять?

Он отгреб еще немного земли, его пальцы на что-то наткнулись, и он слегка потянул этот предмет вверх.

– Скажите, дорогой мой Вуазне, что это такое?

– Ключ от машины.

– Сфотографируйте все на месте. Общие планы, на расстоянии, вблизи.

Вуазне сделал снимки, потом Адамберг двумя пальцами вытащил из земли ключ, держа его за кольцо. И потряс им перед лейтенантом.

– Дайте мне пакет, Вуазне. Не стряхивайте землю с ключа, не трогайте его. Сейчас уложим на место решетки, все упакуем. Позвоните нашим, пусть снова вытащат мэтра Карвена из его кабинета. Мы его задерживаем.

Адамберг распрямился, отряхнул брюки на коленях, запустил пальцы в волосы и откинул шевелюру назад, испачкав землей.

– Вуазне, иногда мягкие пассивные натуры, не умеющие говорить “нет”, готовые разбиться в лепешку ради других, могут убить, когда на них внезапно накатывает ощущение своей ущербности. Такое могло случиться с Бузидом.

– Пассивная агрессия.

– Именно так. Но иногда хвастуны, уверенные в себе, опасные, и на самом деле оказываются опасными. Такие, как Карвен. У алчности, как у демона, каждый год отрастает новая голова.

– Я этого не знал.

– Да-да, Вуазне, – проговорил Адамберг, снимая перчатки. – В конце концов он начинает давить все на своем пути. В данном случае давить в прямом смысле слова. А ваша мурена алчная?

Вуазне пожал плечами:

– Она трусливая, все время прячется.

– Как паук-отшельник.

– Какое отношение к вам имеет этот паук?

– А к вам, Вуазне?

– Я уже сказал. А вы?

– Если б я знал, лейтенант.

Глава 5

Смутные слухи о предстоящем задержании Карвена по обвинению в убийстве долетели до комиссариата еще до их возвращения. Вонючая комната бурлила, все повыскакивали из-за столов и бродили вокруг, обсуждали, спорили, размышляли. Как Адамберг до всего этого додумался, не успев покинуть свое туманное убежище? Ногти, он велел показать ногти, говорил один. Нет, он посмотрел запись допросов и прочел все на лицах подозреваемых. А что там было с ветровым стеклом, кто-нибудь понял? Ну да, что он нашел на ветровом стекле внедорожника? А в итоге? В итоге – ничего. Полицейские одновременно радовались успеху и были злы и разочарованы, как будто у них из-под ног неожиданно, без всяких объяснений выдернули ковер, так что они и опомниться не успели. Адамберг приехал только этим утром, даже не удосужился заглянуть в отчет, – это было всем понятно, тут и говорить нечего, – и уже к семи часам вечера, когда все находились в замешательстве и никто не знал ни что говорить, ни что делать, занавес внезапно упал.

Для Данглара и Ретанкур состояние замешательства было невыносимо. Им, главным прагматикам в комиссариате, приверженцам линейной логики и рациональности, не понравилось, как Адамберг в тот день руководил их работой, как непоследовательно, и двух слов им не сказав, вел расследование. Хотя результат, судя по всему, был налицо, они по-прежнему считали, что комиссар блуждает в потемках, а это противоречило их картезианской рассудительности. Но в тот вечер Данглара махнул рукой на все: после просмотра записи допроса он, взбудораженный триумфальной схваткой с Карвеном, принимал от коллег знаки заслуженного почтения. Что касается Ретанкур, то от радости, что комиссар вернулся, а Рёгнвар вырезал ее портрет на весле, она потеряла желание кого-либо критиковать. В голове ее звучал голос рыбака-калеки, который в последний день перед ее отъездом в исландском кабаке говорил, сжимая рукой ее колено: «Послушай меня, Виолетта, послушай меня хорошенько... Ничего не записывай. Не беспокойся, не забудешь...» Рёгнвар, критично настроенный ко всему на свете, Рёгнвар-безумец, Рёгнвар-сумасброд. По крайней мере, в тот миг она любила этого одноногого мужчину с длинными грязными светлыми волосами и морщинистым от морского ветра лицом.

Адамберг с испачканными землей волосами, в грязных брюках, прошел через большую комнату и, не садясь, прислонился к одному из столов. Эсталер машинально повернулся и отправился варить ему кофе. Даже если ты нетороплив, даже если молчалив и рассеян, в такие дни ты устаешь. Молодой человек подумал, что ходить зигзагами и перескакивать с одного на другое куда утомительнее, чем шагать по прямой.

– Сейчас я вам в двух словах изложу самую суть, – начал Адамберг. – В углах ногтей на указательных и больших пальцах осталось немного грязи, что нехарактерно для такого человека. Вы это сами знаете.

– Нет, комиссар, мы не знали, – заметила Ретанкур.

– Знали, лейтенант, – вздохнул Адамберг. – Я не делал из этого тайны. Сказал лейтенанту Фруасси, которая увеличила снимки рук. Нужно обмениваться информацией. Не могу же я вас вызывать по одному и посвящать в каждую деталь. Итак, была там эта самая грязь, вероятнее всего, по моему мнению, земля. Потому что пропал дубликат ключа от машины. Вы знали, Ретанкур, я вам об этом говорил. Вы мне сказали: «Дубликат ключа – одна из причин того, что мы топчемся на месте». Настолько важный, что его исчезновение выбило нас из колеи, как будто рухнула опорная колонна, а за ней и все здание. Для большинства бросить ключ в реку – невыносимое испытание. Кстати, мэтр Карвен привык принимать душ, а не мокнуть в ванне. Он человек энергичный, стремительный.

– Извините, комиссар!

– Извините за что?

– Вы сказали: душ.

– В душе грязь из-под ногтей вымывается хуже, чем в ванне: там она растворяется. Карвену нужно было спрятать дубликат, чтобы обвинили Бузиду. Но зачем их выбрасывать, если можно поступить по-другому? Если можно найти тайник... недостижимый... Есть такое слово, Данглар? Недостижимый?

– Да.

– Спасибо. Конечно, он не стал прятать ключ ни у себя дома, ни в офисе. Спрятать – это, по идее, закопать. Идея простая, но блестящая: он зарыл их под каштаном напротив своего окна. Подняв решетку под деревом. Это очевидно. Не будь остатков грязи под ногтями, я бы не догадался. Лично я выкинул бы запасной ключ. Ламар, Керноркян, когда привезут Карвена, организуйте изъятие грязи из-под ногтей, мы сравним ее с той, что прилипла к ключу. Ключу повезло больше, чем супруге: ему Карвен сохранил жизнь, жене – нет. Некоторые мужчины отлично умеют делать выбор.

Буазне вытащил из сумки пакет с вещдоками, дал посмотреть коллегам.

– Будьте осторожны, не стряхните землю с ключа.

– Но как же ветровое стекло? – спросил Жюстен. – Мы так ничего и не знаем про ветровое стекло.

– Как это, Жюстен? Я же говорил о гравии, разбросанном в зоне дорожных работ на пути внедорожника. Вам, Данглар, и вам, Ретанкур. Почему вы другим не сказали, черт возьми? Я же говорил, что не бывает двух одинаковых одуванчиков, как и двух одинаковых водителей. Разве нет? Понятное дело, поэтому я и отправился с Карвеном и Бузидом по этому маршруту, чтобы проверить, как они водят, потому что там был гравий.

– Я не понял, – честно сказал Ламар, теребя свою любимую пуговицу на куртке.

Скромный, сохранивший после недолгой службы в жандармерии железную военную выправку, Ламар был до неприличия честным и мог откровенно сказать, что чего-то не понимает, а ведь немногие решаются в этом признаться. Коллеги ценили Ламара, как и Эсталера, за то, что те избавляют их от необходимости задавать лишние вопросы.

– Внедорожник осмотрели весь, до мельчайших деталей, – пояснил Адамберг. – Забыли только о ветровом стекле. Потому что его никто не трогает.

– Я не понял, – повторил Ламар.

– Гравий, ветровое стекло, бригадир, движения, характерные для каждого водителя.

Ламар замер на секунду, опустив голову и прижав кулак к губам.

– Вы имеете в виду тех водителей, – медленно проговорил он, – которые всякий раз, проезжая по гравию, прижимают палец к ветровому стеклу, чтобы, если попадет камень, уменьшить повреждения. Мой дядя так делает.

– И Бузид тоже. Он осторожный, даже пугливый водитель. Постоянно прижимает палец к стеклу, хотя непонятно, зачем это нужно. У каждого свои причуды.

– Я тоже так делаю, – заявил Жюстен. – Вы думаете, это не помогает?

– Какая разница, Жюстен? Вы все равно будете так делать.

– Ага, понятно.

– Я дважды велел Бузиду проехать этим маршрутом. И оба раза он прижимал пальцы к стеклу, когда ехал по гравию, хотя постоянно говорил и думал совсем о другом. Рефлекс в чистом виде.

– А Карвен?

– Само собой разумеется, он водит быстро, решительно, лихо. И пальцы к стеклу не прижимает. Ему нравится хруст гравия под колесами.

– Не ему одному нравится этот звук, – заметил Данглар. – Он развлекает.

– А внутренняя поверхность ветрового стекла всегда жирная и пыльная, – продолжал Адамберг. – Палец, даже в перчатке, оставляет след. А на стекле внедорожника нет ни одного. А это значит, что Бузид никогда им не управлял.

– А зачем было брать седан дивизионного комиссара? Чтобы произвести впечатление на адвоката? – спросила Ретанкур.

Она расстроилась, что не заметила грязь под ногтями Карвена, хотя он был прямо у нее перед глазами. Расстроилась, что не сумела расшифровать подсказки, которые дал Адамберг. Напрасно комиссару казалось, что он выражается совершенно ясно, ни у кого не было времени на то, чтобы разгадывать его незавершенные ребусы.

– Потому что седан той же марки, что и внедорожник. А значит, у него такое же ветровое стекло. Теперь нужно быть предельно внимательными и неуязвимыми. Наши доказательства слабоваты. Например, защита может возразить, что Бузид сам зарыл запасной ключ, чтобы обвинили мужа. Что не так уж трудно, потому что тайник только кажется надежным. Правда, у Бузида под ногтями нет грязи. Притом что он тоже моется под душем.

– Откуда это известно?

– Я просто у него спросил, Ретанкур, – объяснил Адамберг, немного удивившись.

– Если повезет, – вмешался Жюстен, – на ключе найдут отпечатки Карвена, а не Бузида.

– Как бы то ни было, – произнес Данглар, – теперь точно известно, что Бузид не сидел за рулем внедорожника. Ни волоска, ни следов пальца на стекле, зато собачья шерсть, которой в помине нет в его собственной машине. Мы с ним разберемся.

– Вы с ним разберетесь, майор, – уточнил Адамберг. – Заставите признаться. По причинам, о которых вам хорошо известно, именно вы должны вырвать признание у отморозка, раздавившего свою жену. Настал ваш час, майор. Не торопитесь, я буду за стеклом.

– Он скажет, что здесь воняет, – заметил Ноэль.

– Он уже говорил это. Если начнет снова, объясните ему, что мы недавно ездили ловить отвратительную рыбу – мурену.

– Нет, – возмутился Вуазне, – только не мурену!

– Хорошо, имени ее называть не будем. Кстати, как она там?

– Мама как раз должна была закончить ее вываривать.

– Значит, все в порядке.

Адамберг отправился в свой кабинет в глубине большой комнаты. Вуазне вошел следом за ним.

– Комиссар, появилась вторая, – произнес он шепотом, как будто их связывала страшная тайна.

– Что? – рассеянно спросил Адамберг, бросая пиджак на стул.

– Жертва паука-отшельника.

Комиссар живо обернулся и посмотрел на Вуазне: этот взгляд был самым внимательным за целый день.

– Говорите.

– Мужчина из тех же мест.

– Возраст?

– Восемьдесят три года. Еще жив, но у него уже началось общее заражение крови. Ничего хорошего.

Адамберг некоторое время бродил по кабинету, потом резко остановился и сложил руки на груди.

– Никак нельзя пропустить допрос, который будет вести Данглар, – сказал он.

– И речи быть не может.

– Может, расскажете немного позже, во всех подробностях? Вы не устали?

- Нет, если речь идет о пауке-отшельнике.
- Вы отправили фотографии ключа Фруасси?
- Конечно.
- Прекрасно. Лучше будет поговорить об этом где-нибудь в другом месте.
- О ключе?
- О пауке-отшельнике. После допроса приходите ко мне домой. Заодно и поужинаем, – предложил Адамберг. Он немного помолчал, склонив голову, и добавил: – Паста сойдет?

Перед самым допросом у Карвена тихо, без объяснений, изъяли из-под ногтей темные частички, и это привело его в замешательство. Адамберг присутствовал при этом и видел, как адвокат от страха изменился в лице. Люди, преисполненные самомнения, не могут себе представить, что однажды потерпят поражение. Когда это происходит, они в недоумении и смятении от проигрыша сдуваются, впадают в ступор, от них остается мокрое место. Ни привычной почвы под ногами, ни общественного положения, ни перспектив. Такие дела.

– Я не собираюсь искать по всей стране такую же землю, мэтр Карвен, – сказал Адамберг, расхаживая перед адвокатом, – ведь это же земля, не так ли? Это просто еще одно подтверждение. Ваш ключ уже у меня. Этот чертов ключ. Желание сохранить его – чистое ребячество, вам не кажется? Детям свойственно стремление чем-то обладать, ничего никому не отдавать, даже обрывка веревочки. И это чувство может толкнуть их на жестокость. Но к восьми годам это постепенно стирается и уходит. Скажем так: формируется зона безопасности. Но не у всех. Ребенок мог бы убить за осколок стеклянного шарика, но не убивает. Он кричит, неистовствует. А взрослый скряга способен убить, раздавить, дважды проехать колесами машины по женщине, весящей пятьдесят два килограмма, у которой такой красивый смех. Правда, осколок шарика превратился в два миллиона сто тридцать восемь тысяч сто двадцать три евро. И четырнадцать центов. Не забудем про центы. Они и есть осколок шарика.

Комиссар вышел из допросной и расположился в комнате за поляризованным стеклом, куда набились полтора десятка сотрудников, отчего в тесном помещении стало жарко как в печке. Стойкое зловоние тухлой мурены не перебивало удушливый запах пота. Чувствительная Фруасси откинулась на стуле и стала обмахиваться. Ретанкур была невозмутима и даже не вспотела. Еще одна загадка наряду с другими ее многочисленными способностями. Адамберг обычно говорил, что Ретанкур может трансформировать свою энергию во что угодно, сообразно тому, чего требуют обстоятельства. Он предположил, что в данный момент она преобразовала ее в систему охлаждения и отключения обоняния.

Данглар пошел в наступление с присущим ему изяществом, без издевки и демонстрации силы:

– “Ах, деньги! Много их или мало, от них всегда одни несчастья”⁴. Не трудитесь угадывать, мэтр, этого автора давно разобрали на цитаты самые обычные люди. Насколько я понимаю, в ситуации, когда денег много, ущерб бывает более серьезным. Вот бы нам обзавестись датчиком бдительности, который настраивался бы сам по мере роста нашего богатства и влияния и улавливал бы малейшие изменения в извилинах нашего лимбического мозга, посылая нам сигналы тревоги. Что вы об этом думаете, мэтр?

Карвен не шелохнулся, не вздрогнул. Зрелище собственного поражения привело его в оцепенение. Лишь более трех часов спустя Данглар, вонзив в него тысячу бандериллий, в итоге вынудил его признаться. Внезапные серии расчетливых и коварных уколов, нанесенных оттуда, откуда их невозможно ожидать, положили конец последним попыткам убийцы защитить себя. Когда майор вышел из допросной на ватных от усталости ногах, время близилось к одиннадцати вечера.

⁴ Фраза из романа Агаты Кристи “Убийство Роджера Экройда”.

– Я очень голоден. Он тоже. Вы слышали, что он попросил? Тертую морковь. Тертую морковь!

– Он в шоковом состоянии, – пояснил Адамберг.

Данглар влетел в свой кабинет, налил стакан белого вина, выпил, налил и выпил второй, даже не присев.

– Кто пойдет со мной ужинать? – спросил он у полицейских, чье дежурство закончилось. – Я угощаю, идем к “Философам”. Для начала всем по бокалу шампанского.

Десяток сотрудников собрались уходить вместе с майором, их место заняли ночные дежурные, а Адамберг тихонько улизнул под предлогом, что ему пора спать.

Глава 6

У Вуазне, когда он тихонько стучался в дверь Адамберга, возникло забавное и не очень приятное ощущение, что он участвует в каком-то заговоре. А также внезапное ощущение своей глупости. Интересоваться этим пауком, встречаться в ночи, чтобы тайком поговорить о нем, – все это выглядело полной бессмыслицей. Он все еще был под впечатлением от провала Карвена, блестящего выступления Данглара и обнаружения второго ключа. Все это существовало в действительности, все это служило обоснованием тому, что они делают и зачем. В отличие от паука.

Адамберг следил за пастой, которая варилась в кастрюле. Он жестом пригласил лейтенанта сесть.

– Комиссар, у вас в саду какой-то странный тип.

– Это мой сосед, старик Лусио. По вечерам он всегда там торчит, сидит под вязом и пьет пиво. Боже, спаси его от пауков! В детстве он потерял руку во время гражданской войны в Испании. В эту руку его незадолго до того укусил паук, и он постоянно твердит, что лишился руки, не успев как следует дочесать укус. И что она до сих пор у него зудит. С тех пор у него появилось правило, которое, как он полагает, применимо в любой ситуации: никогда оставлять в покое укус, чесать его до изнеможения, до крови, иначе он будет зудеть всю жизнь.

– Что-то я не понимаю.

– Не важно, – сказал Адамберг, ставя на стол томатный соус и сыр. – Достаньте из буфета две тарелки, паста вот-вот будет готова. Приборы в ящике, стаканы на полке над ним.

– Вино есть?

– Бутылка вон там, под раковиной. Кладите себе пасту, она быстро остывает.

– Моя мать так всегда говорит.

– Она покончила с муреной?

– Мне осталось только извлечь скелет. Эффект будет потрясающий.

– Да уж, это верно.

Адамберг откупорил бутылку, открыл банку с томатным соусом, некоторое время ее разглядывал, потом протянул лейтенанту.

– Неизвестно, что там, внутри. Сорок три пестицида, немножко нефти, отдушки, конина, лак для ногтей. Мы не знаем, чем питаемся.

– Пауки тоже не знают.

– То есть?

Вуазне заметил, что огонек внимания, зажегшийся в глазах Адамберга, по-прежнему горит. Когда этот огонек появлялся, его невозможно было не заметить во взгляде комиссара, обычно туманном и блуждающем.

– Он питается насекомыми, как птицы. А значит, инсектицидами. Среди прочего об этом много спорят в интернете, обсуждая эти смерти.

– Продолжайте.

– Я уж и не знаю, комиссар, стоит ли, как вы говорите, продолжать. Какое нам дело до этих пауков?

– Поставьте вопрос по-другому: что от нас нужно этим паукам?

– Они кусаются, и, к несчастью, им подвернулись старики. А те из-за этого умерли.

– А почему им подвернулись именно старики?

– Думаю, им еще много кто подвернулся, просто о стариках стало известно. Чаще всего отшельник, как и все пауки, кусает всухую. Это значит, что он не впрыскивает яд. Кусает просто, чтобы предупредить, но он вряд ли пожелает тратить заряд яда на человека, ведь люди для него неподходящая добыча. В подобных случаях на коже появляются две кро-

печные красные точки – и все, тут и говорить не о чем. Укушенный даже не подозревает, что ему повстречался паук-отшельник. Понимаете? В других случаях он может израсходовать яд только из одной железы, опять же из соображений экономии. Последствия будут пустяковыми. Та же ситуация: о чем тут говорить? Наконец, на некоторых людей яд практически не действует. У них появляется маленькая розовая отметина, потом пузырек и легкий отек, и все это быстро проходит само собой.

– А значит?..

– Значит, – проговорил с расстановкой Вуазне, наполняя стаканы, – с начала жаркого сезона, возможно, пострадали от укусов человек пятнадцать, и никто из них не обратил на это внимания. Кроме троих стариков.

Адамберг покачал головой:

– Но паук-отшельник не агрессивен, так ведь?

– Нет, он прячется в глубине щелей и других отверстий, он пуглив. Потому-то его так и прозвали. Он любит уединение и не станет, как обычный домовый паук, развешивать большую паутину в углу окна.

– Домовый – это большой такой, черный?

– Да. Но совершенно безобидный. К тому же отшельник осторожен и выходит только по ночам, чтобы добыть еду или один раз в год спариться.

– Значит, кусает он очень редко. Я вас правильно понял?

– Только если его к этому вынудить. Пауки-отшельники могут годами жить с людьми под одной крышей, никогда не попадаясь им на глаза и, разумеется, их не кусая. Разве что кто-нибудь неожиданно преградит рукой дорогу, когда паук направится по своим повседневным делам.

– Отлично. Значит, редко. Сколько укусов было зарегистрировано в прошлом году?

– За весь сезон – от пяти до семи или что-то около того.

– А на сегодняшний день у нас уже три жертвы, и все старики, причем всего за три недели. Плюс полтора десятка укусов, которые прошли незамеченными, а ведь сезон только начинается. А вообще есть статистика укусов пауков-отшельников?

– Нет. Потому что всем наплевать. Они же не смертельны.

– Вот мы и приехали, Вуазне. В прошлом году старики становились жертвами укусов?

– Да.

– Они умерли?

– Нет.

– А молодые люди?

– Тоже нет.

– Последствия укусов у тех и других были одинаковы?

– Судя по тому, что я читал, – да.

– Вот видите, Вуазне! Какая-то нестыковка. Жертвами укусов стали три старика, и двое умерли, один при смерти. А это уже что-то новое. Извините, но у меня нет ни десерта, ни фруктов.

– Фрукты, как и пауки, заражены пестицидами. И вино тоже, – добавил лейтенант, пристально посмотрел на свой стакан и отпил большой глоток.

Адамберг убрал со стола, подвинул стул к пустому холодному камину и сел, положив ноги на решетку колосника.

– Двое умерли, один при смерти, – повторил Вуазне. – Согласен, это не совсем обычно. И если быть точным, то это тема для обсуждения.

– Как она проявляется, реакция на укус паука-отшельника? Отчего человек погибает?

– Знаете, его яд не является нейротоксином, как у большинства пауков. Он вызывает некроз. То есть разлагает ткани организма вокруг укуса. Некротическое пятно может быть до двадцати сантиметров в длину и до десяти в ширину.

– Я видел фотографии поражений, – сказал Адамберг. – Черные, глубокие, отвратительные язвы. Как при гангрене.

– Это и есть гангрена. Если принимать антибиотики, процесс идет на спад и останавливается. Иногда омертвление тканей так обширно, что приходится прибегать к пластической хирургии, чтобы хоть примерно восстановить общий вид конечности. Не помню в каком году один парень полностью потерял ухо. Хоп – и оно распалось.

– Довольно противно.

– Ага. По сравнению с этим моя мурена показалась бы вам милашкой.

– Наверное.

– Потому что его укус вызывает жуткое заражение: у него на челюстях скапливается множество бактерий. И вот из-за этого некроза, комиссар, может начаться общее заражение, или поражаются внутренние органы, или разрушаются красные кровяные тельца, страдают почки и печень. Черт, но это бывает так редко! И случается только с маленькими детьми и глубокими стариками. Потому что у одних иммунная система еще не сформировалась, а у других она уже работает плохо.

Буазне тоже поднялся из-за стола, немного прошелся и встал, опершись ладонями на спинку стула.

– И вот что мы имеем, комиссар. От укусов умирают три человека, потому что они старики. Вот и все. Говорить тут не о чем.

– Потому что они старики, и все, – повторил Адамберг. – О чем тогда спорят в интернете?

– Обо всем! Кроме одного – полицейского расследования: о нем никто и не заикается, комиссар!

– Но о чем все-таки спорят в интернете? – снова настойчиво спросил Адамберг.

– О причине смерти. Выдвинуты две теории. Первая, особенно взбудоражившая сеть, – мутация: пауки-отшельники напичканы пестицидами и всякой другой дрянью, которая приводит в расстройство их организм, состав их яда изменяется, и он становится смертельным.

Адамберг снял ноги с решетки и пошел за сигаретами, которые оставил на буфете его сын Кромс. Взял пачку, вытащил сигарету, немного помятую.

– А вторая теория?

– Глобальное потепление. Сила яда растет при повышении температуры. Самые опасные пауки живут в жарких странах. А в прошлом году лето во Франции как раз было одним из самых жарких за всю историю. Теплой была и зима – ее и зимой-то не назовешь. В этом году жара стоит уже три недели подряд. Так что токсичность яда пауков могла возрасти, как и, возможно, их размеры и объем ядовитых желез.

– Все это не так глупо.

– Тем не менее, комиссар, к нам это отношения не имеет.

– Мне нужно побольше об этом узнать. О жертвах и пауках.

– О жертвах? Вы, наверное, шутите.

– Тут что-то не так, Буазне. Все это ненормально.

– А климат? А пестициды? Вы считаете, это нормально, что мы боимся есть яблоки?

– Конечно нет. В Париже есть место, где люди разбираются в насекомых?

– Пауки – не насекомые.

– Точно, Вейренк мне говорил.

– Так вот, в Музее естественной истории есть лаборатория, занимающаяся пауками. Комиссар, только я с вами туда не пойду.

После ухода лейтенанта Адамберг снова сел у камина, потирая шею, чтобы снять непонятное напряжение, сжимавшее затылок. Когда он сидел перед экраном компьютера Вуазне и увидел паука-отшельника, это ощущение, сопровождаемое легкой тошнотой, посетило его впервые. Мимолетная внутренняя тревога, которая возникала внезапно, словно пешеход, перебегающий дорогу, и так же внезапно пропадала. Это должно пройти, уже проходит. Что-то чешется, как наверняка сказал бы Лусио.

Глава 7

Спустя два дня после задержания Карвена в комиссариате наступил бумажный период: гнетущая тишина, сотрудники, ступающие почти неслышно, согнувшиеся над бумагами, не отрывающие глаз от экранов компьютеров. Неподвижные, как их кот, свернувшийся клубком на теплом ксероксе: голова едва видна, шерсть прижата, сам словно уменьшился на треть. Ретанкур, почти полностью взвалившая на себя заботы о коте – ей изредка помогал Меркаде, – говорила, что, как ей кажется, их любимец чувствителен к бумажным периодам, как другие живые существа – к фазам Луны, и что он гораздо чаще сворачивается в плотный клубок именно в такие дни, чем во время выездных следственных действий. Это не значит, что Ретанкур за ним постоянно следила. Но именно она трижды в день наполняла его миску. И трижды в день ей приходилось относить его на второй этаж, где стоял автомат с напитками. Ибо кот желал принимать пищу только там и скорее умер бы с голоду, чем согласился притронуться к корму на первом этаже. Поэтому его приходилось таскать на руках по лестнице, несмотря на то, что в те редкие моменты, когда ему хотелось поиграть, он без малейшего труда носился как угорелый вверх и вниз по ступенькам. Так хотел кот, и Ретанкур подчинялась его воле, ведь этот клубок шерсти спас ей жизнь. В бумажный период она даже не пыталась развернуть его и неслла мягкую пушистую кучку в обеих руках, словно драгоценный дар.

Накануне они доделали все, что еще оставалось, – так на берег набегают последние волн гие перед самым началом отлива. Анализ подтвердил, что почва, изъятая из-под ногтей Карвена, идентична той, что налипла на ключ от машины. В восемнадцать часов адвоката отправили в камеру предварительного заключения в тюрьме Санте. Тамашние обитатели говорили, что стены в тюремном дворе такие грязные, что к ним стараются не прислоняться из опасения приклеиться намертво.

Бумажный период всегда проходил строго по протоколу. Сначала каждый из сотрудников, принимавших участие в расследовании, составлял подробный отчет о своей работе. Отчеты отправлялись майору Мордану, который приводил в приличный вид весь этот ворох бумаг, в то время как Фруасси и Меркаде собирали фотографии и заключения экспертиз. Все вместе поступало майору Данглару, ответственному за финальный вариант отчета, за отсутствие в нем огрехов, пробелов и несоответствий, за то, чтобы его можно было прочесть и понять. Это была нудная и мучительная работа, но, по счастливому стечению обстоятельств, Данглар, питавший нездоровую страсть к бумаге и писанине во всех ее видах, выполнял ее с огромным удовольствием. Начальство оценивало отчеты Данглара как безупречные, и это, наряду с результатами расследований, создавало комиссариату завидную репутацию.

Поскольку Адамберг тоже был сотрудником, участвовавшим в расследовании, то ему предстояло зафиксировать свои слова и действия. Комиссар крайне неохотно прибегал к письму, поэтому пересказывал Жюстену все, что говорил и делал, а тот составлял отчет за него. В завершение всей процедуры Адамбергу оставалось только подписать отчет, который именовался “Книгой”, поскольку стиль Данглара был превосходным.

Комиссар уже в третий раз приказывал Жюстену сделать получасовой перерыв, а сам включал монитор и погружался в изучение паука-отшельника. Ночью третья жертва скончалась в госпитале в Ниме от самых тяжелых последствий ядовитого укуса – некроза внутренних органов.

Назвав свои заметки “Паук-скрипач”, Адамберг записал кое-какие сведения о двух предыдущих погибших:

Альбер Барраль, родился в Ниме, скончался три недели назад, возраст – восемьдесят четыре года, страховой агент, разведен, двое детей.

Фернан Клавероль, родился в Ниме, скончался неделю назад, 20 мая, возраст – восемьдесят четыре года, учитель рисования, разведен, детей нет.

Потом добавил еще одного:

Клод Ландрие, тоже родился в Ниме, скончался 2 июня, восемьдесят три года, торговец, трижды был женат, пятеро детей.

В тот же день одна из местных газет написала о некой Жанне Божё, которая, вернувшись после трехнедельного отдыха и узнав о смерти этих людей, пришла на прием в больницу Нима и показала ранку, уже начавшую заживать. Она сообщила, что была укушена 8 мая и, поскольку поражение не распространялось дальше, просто выполняла рекомендации своего врача. Женщине шел сорок пятый год.

Адамберг встал и принялся рассматривать листву липы за окном. Получается, только старики. И Вуазне особенно на этом настаивал. Вернувшись к себе в кабинет, он обнаружил от него письмо:

Вы уже видели? Женщина сорока четырех лет, укус не смертельный. Все потому, что они старые!

Адамберг ему ответил:

Я думал, вы уже об этом забыли. Наверное, вы сейчас потеете над отчетом.

Как и вы, комиссар.

В этот момент в дверях появился пунктуальный Жюстен: получасовой перерыв закончился. Пора браться за отчет. Адамберг закрыл окно на экране и, все так же стоя, рассказал своему помощнику о том, как прошли две поездки – с Карвеном и Бузидом.

– То же самое, что и с одуванчиками: двух одинаковых не найти на всей Земле.

– Я не могу это записать, комиссар, – запротестовал Жюстен, трясая головой. – У нас из-за этого будут неприятности.

– Как скажете.

Потом Адамберг велел Жюстену поговорить с экспертами, которые снимали отпечатки с ветрового стекла, и сразу же уселся перед экраном и погрузился в изучение форумов, на которых после известия о четвертом укусе царило сильное волнение. После случая с благоприятным исходом развернулась бурная полемика по поводу мутаций паука-отшельника: существуют они или нет. В 18:06 на одном из форумов в спор резко вмешался некто под ником Лео:

Лео: Вы уже задолбали со своими историями про стариков. Мне 80 лет, меня укусили 26 мая, я не стал суетиться, даже к врачу не пошел. И вроде живой.

Арах: Браво, Лео! Это обнадеживает!

Лео: У меня только прыщик вскочил, и все.

Миг: Значит, никакой мутации?

Вишенка33: Никто же не говорит, что они все мутировали!

Зорба: В любом случае укусов слишком много. Или они стали агрессивнее из-за насекомых, которых едят, или их стало больше из-за жары. Или оттого, что птиц стало меньше, чем раньше.

Крейг22: Зорба прав. Сегодня только 2 июня, а уже 5 укусов. Фигня какая-то! А через три месяца сколько будет? Сорок? И кто-то умер.

Фрод: Одни старики.

Лео: Да что вы прицепились к старикам? Сами старыми будете!

Арах: Лео, успокойся, мы же не про тебя. А может, у тебя к ним иммунитет.

Лео: Я краном управлял 39 лет, и в дождь и в ветер. И как, по-твоему, у меня с иммунитетом?

Адамберг дополнил свой список:

Жанна Божё, сорок пять лет, первая жертва, укушена 8 мая, выздоравливает.

Лео, 80 лет, крановщик, укушен 26 мая, прыщик прошел сам.

Потом стал читать новое письмо от Вуазне:

Видели историю с Лео? Не все старики умирают. Но Крейг²² прав: укусов слишком много, а лето еще даже не началось.

Адамберг снова написал:

Я думал, вы уже об этом забыли.

Я и забыл!

У меня сложилось другое впечатление. Кстати говоря, бывали годы, когда случалось нашествие божьих коровок.

Наверное, и сейчас что-то вроде этого. Год пауков-отшельников. Гораздо больше укусов, три старика не выжили. Вот и все, что происходит. Вы тоже забудьте, комиссар.

Я об этом и не думаю, у меня отчет.

У меня тоже.

Комиссар поглубже уселся в кресле и откинул голову назад. Возможно, этот паук его когда-то кусал. Одно его название вызывало тревогу, путало мысли, смешиваясь с воспоминанием о компьютере Вуазне и отвратительном запахе тухлой мурены. Эта напряженность то и дело возникала на протяжении последних трех дней, появляясь и исчезая, словно торопливый, но навязчивый посетитель.

И все из-за одного-единственного слова, одного-единственного звука. Похожего по звучанию, но не имеющего ничего общего с названием горного озера, куда отец возил их купаться: оно превратилось в смутное, но лучезарное воспоминание. Ничуть не похожее на серую колышущуюся паутину, в складках которой прячется страх. Адамберг встал. Это пройдет. Ближе к девяти вечера он закончил работать с Жюстеном. Большинство сотрудников уже ушли. Кроме Данглара. Майор появился в кабинете комиссара, когда тот диктовал отчет Жюстену, облокотившись на подоконник распахнутого окна. Адамберг не успел спрятать свою записку с именами пяти человек, пострадавших от укусов паука. Данглара ее увидел. А комиссар знал, что для Данглара видеть – значит прочесть, а прочесть – значит запомнить. Знал, что ему не понравится заголовок записки: “Паук-скрипач”. Что он, скорее всего, уже вбил это название в поисковую строку.

Адамберг предчувствовал, что Данглара будет упорно дожидаться его сегодня вечером. Он поспешно набрал номер Вейренка:

– Луи, ты еще здесь?

– Уже ухожу.

– У тебя какие-то планы?

– Доесть вчерашнюю мясную запеканку.

– Ты ее сам приготовил?

– Нет, это полуфабрикат.

– Может, поужинаешь со мной? В “Гарбюре”?

– Тоска по родным местам? Я тебе нужен?

Гарбюр – традиционная пиренейская еда, и нужно на ней вырасти, чтобы получать удовольствие от этого блюда – чего-то среднего между капустным супом и овощным рагу, в идеале – со свиной рулькой. В “Гарбюре” туда добавляли тушеную утятину. Кроме всего прочего, хозяйка заведения питала слабость к Вейренку, его суровому лицу, пухлым, немного женственным губам и рыжим прядям, резко выделявшимся на фоне темных волос.

– Просто у меня намечается непрощеный попутчик, – уточнил Адамберг. – Причем, боюсь, в дурном расположении духа.

– Данглар?

– Откуда ты знаешь?

– Он уже больше часа слоняется по комнатам, ворчит, чем-то страшно озабочен, по моему, даже встревожен. И никто не знает причин.

– А я знаю.

– Ясно. И куда тебя занесло на сей раз, Жан-Батист?

– К пауку-отшельнику.

– Тому, который кусает всех без разбора на юго-востоке?

– К нему самому.

– Понятно, – произнес Вейренк.

Адамберг особо не рассчитывал, что Луи Вейренк де Бильк – таково было полное имя его друга – станет защищать его интересы или тоже проявит любопытство к возмутительному поведению пауков. Но от одной мысли, что ему придется оправдываться, чувствуя на себе испытующий взор Данглара, комиссар скис и утратил способность что-либо объяснять. Однако Данглар, как бы он ни был зол, ни за что не пошел бы в лобовую атаку на Вейренка. Ни в лобовую, ни в какую другую. Никто не ждал от Вейренка бурной реакции, как у Ретанкур или Ноэля. Вейренк излучал спокойствие. Но его лицо и фигура были тверды как гранит, о который легко обломать и зубы, и когти. В то же время он с его быстрым умом мгновенно адаптировался к малейшим изменениям, встречавшимся на пути: казалось, его невозможно удивить или застать врасплох.

Адамберг и Вейренк, сыновья Беарна, унаследовали от родных гор прочную основу, гибкую у одного, устойчивую у другого. А у Данглара малейшее дуновение ветерка могло вызвать смятение.

Глава 8

Данглар решительно отказался съесть хоть одну тарелку гарбюра: он считал его чем-то вроде супа из отходов, которым могут питаться только ко всему привычные горцы. Он неспешно наслаждался фаршированным молочным поросенком. После закуски – утиной печени с вином из Жюрансона – его напряжение стало спадать. Лучший способ справиться с зарождающимся недовольством майора – пригласить его поужинать, вкусно поужинать. Но Данглар никогда не сворачивал с намеченного пути. И вино никогда не заставляло его хоть что-нибудь забыть. Впрочем, майор вообще был не робкого десятка. Только он сам мог себя напугать.

– Не ходите вокруг да около, Данглар, – сказал ему Адамберг, чувствовавший себя свободно. – Выкладывайте все начистоту.

– А я и не хожу. Я ем, пока не остыло.

– Так советует мать Вуазне.

– Так советуют все матери, – заметил Вейренк, приступая ко второй тарелке гарбюра.

– Его название – паук-отшельник, или паук-скрипач, – с нажимом проговорил Адамберг.

– Его название – *Loxosceles rufescens*, – уточнил Данглар. – В Америке *Loxosceles reclusa*, у нас – *rufescens*. Существуют сотни видов пауков.

Хозяйка заведения Эстель, женщина лет сорока, подошла к Вейренку и спросила, не хочет ли он, чтобы она подогрела гарбюр, ведь он невкусный, когда холодный. При этом она легонько положила ему руку на плечо. Вейренк отказался с улыбкой, которая, видимо, обладала магнетическими свойствами, потому что ладонь Эстель задержалась на плече лейтенанта. Адамберг поймал беглый взгляд карих глаз Вейренка. Когда-то они были соперниками и боролись за одну женщину, но все это давным-давно прошло.

– Вы что-то знаете, майор? – спросил Адамберг, повернувшись к Данглару.

– О ком, о хозяйке? Да нет, но я ее видел, когда вы однажды попытались накормить меня этим супом, причем именно здесь.

– Я имею в виду маленькую тварь – паука-отшельника. Вы о нем что-то знаете?

– Нет, но кое-что читал.

Адамберг не сомневался, что Данглар за два часа мог прочесть в тридцать раз больше, чем сам он – наспех просмотреть.

– А почему вы стали о нем читать? – осведомился он, знаком попросив Эстель принести сыр, зрелый овечий томм. – Насекомые вас, кажется, не волнуют.

– Секундочку, комиссар, я только закажу к сыру красное вино.

– Здесь подают мадиран.

– Я знаком с винами вашего края.

Когда Данглару наполнили стакан и принесли полную тарелку томма, он почти расслабился.

– Потому что я видел ваши заметки, листок лежал у вас на столе, – сказал он.

– Я знаю. Поэтому вы здесь.

– Имена “жертв”, возраст, профессия, дата смерти – все это очень напоминает начало расследования, разве нет? Быть в курсе того, чем будет заниматься комиссариат, – это моя работа.

– Не притворяйтесь, Данглар. И это не расследование.

– В таком случае я ошибся. Если это просто игра, тогда другое дело.

Лицо Адамберга внезапно стало жестким.

– Это не игра.

– О чем же тогда идет речь?

– Пять жертв, три покойника, – проговорил Вейренк, – за такое короткое время. Может...

– Может? – перебил его Данглар.

– За всем этим маячит тень? – закончил Вейренк.

– Которая готова расправить крылья? – добавил Адамберг.

Данглар покачал головой и отодвинул пустую тарелку.

– Три покойника, совершенно верно. Но это дело врачей, эпидемиологов, зоологов. Никким образом не нас. Оно не в нашей компетенции.

– Вот это и надо проверить, – заявил Адамберг. – Поэтому-то завтра у меня и назначена встреча со специалистом по паукам – не знаю, как он правильно называется, то ли аренолог, то ли арахолог, не важно, – в Музее естественной истории.

– Не хочу, не хочу в это верить, – горестно проговорил Данглар. – Опомнитесь, комиссар! Черт возьми, в каком тумане вы блуждаете?

– В тумане я вижу прекрасно, – довольно сухо ответил Адамберг, положив обе ладони на стол. – Я в нем вижу лучше, чем где-либо. Буду выражаться определенно. Данглар, я не верю в увеличение численности пауков. Я не верю в изменение состава их яда, такое значительное и такое внезапное. Я думаю, что эти трое были убиты.

Пока Данглар приходил в себя от услышанного, все молчали. Большие руки Адамберга лежали неподвижно, плотно прижатые к деревянной столешнице.

– Убиты? – повторил Данглар. – Пауками-отшельниками?

Адамберг немного помолчал, прежде чем ответить. Он снял руки со стола и стал описывать ими какие-то фигуры в воздухе.

– В каком-то смысле – да.

Вейренк и Адамберг медленно шли по улице, расстегнув куртки и наслаждаясь теплом первых июньских дней. Они предусмотрительно проводили до дома Данглара, которого развезло, но не от выпитого вина, а от заявления комиссара.

– По поводу твоей завтрашней встречи, Жан-Батист, – заметил Вейренк. – Правильно говорить “арахнолог”.

– Секундочку, я лучше запишу.

Адамберг открыл блокнот и в темноте записал слово в точности так, как ему продиктовал Вейренк, потом мгновенно изобразил паука во всю страницу.

– Нет, у пауков восемь ног, восемь, я же тебе говорил.

– А у насекомых шесть, – проговорил Адамберг, старательно поправляя рисунок, – теперь я вспомнил.

Он сунул в карман блокнот, и его рука нащупала старую помятую сигарету, из которой наполовину высыпался табак, – сигарету, украденную у Кромса. Он достал ее и закурил.

– Получается, ты видишь это в тумане, – совершенно спокойно констатировал Вейренк, когда они снова тронулись в путь.

– Да. Как ты считаешь, что мне с этим делать?

– То, что уже делаешь. Я ничего не вижу в тумане. Но иногда у меня получается заглянуть немного вперед.

– И что ты видишь там, впереди?

– Я вижу тень, Жан-Батист.

Глава 9

В 13:50 Адамберг, пришедший немного раньше назначенного часа, ждал встречи с профессором Пюжолем, арахнологом: он напоследок сверился с записью в блокноте, чтобы не ошибиться. Восемь ног. *Loxosceles rufescens*. Накануне вечером Данглар по дороге домой размышлял вслух о происхождении термина *Loxosceles*, хотя его никто об этом не спрашивал. От *loxo* – “неискренний”, в расширительном смысле, “тот, кто ходит окольными путями”, “порочный”. Также, вероятно, от *celer* – “тот, кто прячется”. Порочная тварь, которая прячется? Такое толкование Данглару не понравилось, ведь в нем смешивались греческий и латинский корни.

Комиссар сидел на шаткой деревянной скамейке, вокруг витали запахи старого паркета, пыли, формалина и, пожалуй, грязи. Он думал о том, как объяснить свое появление здесь, и ему в голову ничего не приходило.

К скамейке подошла, опираясь на трость, низенькая полноватая женщина лет семидесяти. Не то беспокойная, не то подозрительная, она уселась как можно дальше от комиссара, в метре с лишним. Она прислонила к себе трость, но та тут же упала. Все трости скользят, все трости падают, подумал Адамберг, мигом подобрал ее и с улыбкой протянул женщине. Она была одета в слишком длинные для нее, подвернутые джинсы, серые кроссовки, цветастую блузку и старомодный кардиган. Хотя сам Адамберг одевался небрежно, он легко распознавал стиль, который в огромном каменном городе именовали провинциальным. Женщина напомнила ему мать, которая носила кофты с пуговицами, перешитыми заново, вручную, толстой ниткой, чтобы точно не оторвались. Невзрачная, лицо доброе, почти круглое, волосы выкрашены в светлый оттенок, одежда помятая, тяжелые очки, которые ей совершенно не идут. И, как и у матери, у нее были две прямые вертикальные морщины между бровями, оттого что она слишком часто хмурилась, – у нее тоже был, видимо, очень серьезный подход к воспитанию детей.

Адамберг гадал, почему она сидит здесь, на этой скамейке, зачем приехала сюда издалека. У нее на коленях лежала небольшая черная сумка, она открыла ее и достала маленькую пластиковую коробочку, осмотрела и снова убрала. Она четырежды проверяла, не забыла ли коробочку. Из-за нее она, видимо, и приехала.

– Извините, – заговорила она, – будьте любезны, скажите, который час?

– Я не знаю, который час.

– А у вас на руке – это что, разве не часы, причем целых две штуки?

– Это часы, но они не ходят.

– Зачем же вы их носите?

– Не знаю.

– Извините меня, это не мое дело. Простите.

– Ничего, не страшно.

– Просто я не люблю опаздывать.

– А на какой час у вас назначена встреча?

Они вели себя словно два пациента в приемной у стоматолога, которые изображают оживленную беседу, чтобы обмануть страх. Но поскольку они пришли не к стоматологу, то оба очень хотели узнать, зачем сюда явился другой. И беспокоились, как бы не лишиться своей очереди.

– На два часа.

– У меня тоже.

– А с кем?

– С профессором Пюжолем.

– У меня тоже, – нахмурившись, сообщила она. – Значит, он примет нас вместе? Но так же не делается!

– Он, наверное, очень занят.

– А зачем вы пришли, позвольте спросить? Чтобы починить свои часы?

У нее вырвался смешок, веселый, без издевки, но она тут же его подавила. У нее были красивые зубы, очень белые для ее возраста, так что, когда она смеялась, сразу молодела лет на десять.

– Извините, простите, пожалуйста, – сказала она. – Иногда ни с того ни с сего сболтну неведомо что.

– Ничего, не страшно, – повторил Адамберг.

– Но все-таки зачем вы пришли?

– Скажем так: я интересуюсь пауками.

– Само собой разумеется, если вы обратились к профессору Пюжолу. Вы арахнолог-любитель, так, что ли?

– Именно так.

– И какой-то из них доставляет вам неприятности?

– Вроде того. А вы?

– А я им принесла одного. На случай, если понадобится. Этого, кстати, раздобыть очень трудно.

Казалось, женщина задумалась, глядя прямо перед собой и взвешивая все за и против. Потом внимательно оглядела своего соседа – как она надеялась, не слишком бесцеремонно. Невысокий темноволосый мужчина, худой, жилистый. Лицо... что можно сказать о его лице? Совершенно неправильное, выдающиеся скулы, впалые щеки, нос слишком большой, с горбинкой, а улыбка какая-то странная, но удивительно приятная. Увидев его улыбку, она наконец решилась, вынула из сумки свою драгоценную коробочку и протянула ему.

Под пожелтевшей пластиковой крышкой Адамберг увидел крошечное скрючившееся существо. Мертвый паук – нечто невзрачное, незначительное. Вы раздавили большого домашнего паука – и от него почти ничего не осталось. Сегодня во время разговора о пауках он не почувствовал ни малейшего волнения. Как и накануне, когда они сидели за ужином. Он не пытался понять почему. Наверное, привык, и все.

– Не узнаете? – спросила женщина.

– Я не уверен.

– Наверное, вы никогда не видели его мертвым?

– Не видел.

– Вам ничего не напоминает его голову? –

Адамберг застыл в нерешительности. Он что-то об этом читал. Другое название паука-отшельника – паук-скрипач. У него на спине рисунок, похожий на скрипку. Но напрасно комиссар изучал фотографии: ничего общего со скрипкой он не заметил.

– Вот этот рисунок, да?

– Хотите, скажу вам прямо? Вы такой же арахнолог, как я – римский папа.

– Вы правы, – согласился Адамберг, возвращая ей коробочку.

– И какой же паук вас интересует?

– Отшельник.

– Отшельник? Значит, вы такой же, как все? Вы боитесь?

– Нет. Я полицейский.

– Полицейский? Погодите, дайте соображу.

Маленькая женщина снова какое-то время смотрела прямо перед собой, потом перевела взгляд на Адамберга.

– Как только кто-то умирает, сбегаются полицейские. Не собираетесь же вы арестовывать пауков за убийство?

– Нет.

– Кстати, им будет очень неплохо в камере, если туда принести небольшую кучку дров. Извините, это шутка. Опять я болтаю невеселую вещь.

– Ничего, не страшно.

– Погодите, дайте сообразу. Ага, понятно. Как только начинается паника, сбегаются полицейские. Чтобы навести порядок. Значит, вы пришли навести справки, а потом рассказать вашим коллегам, нижестоящим и вышестоящим, как себя вести, чтобы успокоить людей.

Адамберг понял, что маленькая женщина только что подсказала превосходное объяснение его появления у профессора Пюжоля.

– Именно так, – подтвердил он, улыбаясь. – Приказ начальства. Как будто нам делать больше нечего.

– Надо было мне позвонить, сэкономили бы время.

– Но я с вами не был знаком.

– И то верно. Вы со мной не были знакомы. В коробочке у меня как раз паук-отшельник. На тот случай, если им потребуется яд.

– Он опасен?

– Да что вы! Нет, у стариков, конечно, от него могут быть неприятности. Но это если сидеть и ждать несколько дней. Люди ведь совсем в этом не разбираются. Не знают, что, когда появляется маленький пузырек, значит, их укусил паук. И лучше пойти к врачу и попить антибиотиков. Но куда там, они сидят и ждут, особенно старики! Укус припухает, раздувается, а они говорят: “Я укололся, само пройдет!” Вообще-то они правы. Если мы станем бегать к врачу с каждым прыщиком, вообразите, что из этого выйдет! Но укус паука-отшельника не всегда проходит сам собой. И вот там все распухает и чернеет, и они отправляются наконец в больницу! Иногда уже слишком поздно.

– Вы хорошо его знаете, этого паука.

– Конечно, у меня дома есть несколько экземпляров.

– И вы не боитесь?

– Еще чего! Я знаю, где они находятся, не беспокою их, и все. Я никаких пауков не беспокою. Я люблю живность, любую. Нет, всех, кроме жуков-медяков. Знаете, что это такое? Слушайте, профессор опаздывает, не очень-то он с нами церемонится. А я, между прочим, на поезде сюда долго ехала. Так вот, эти мерзкие медяки – вы знаете, что это такое?

– Нет, не знаю.

– Да наверняка знаете! Это такие здоровенные черные жесткокрылые, грязно-черные. Как ботинки, которые никто никогда не чистил. Их еще называют жуками-могильщиками, вонючками или вестниками смерти.

– И чем они заслужили такие прозвища?

– Они любят всякие темные закоулки, причем погрознее. Да и сами они грязные. Когда кто-то находит медяка, тот, вместо того чтобы бежать, поднимает свою жопу – ой, извините, мне так неловко, простите, пожалуйста, – он поднимает свой зад и выстреливает вам в нос зловонной струей. Она вызывает сильное раздражение. У нас они достигают четырех сантиметров в длину, это не так мало. Вы наверняка их видели. Да точно видели! Откуда вы родом?

– Из Беарна. А вы?

– Из Кадерака. Это недалеко от Нима. Вы точно этих жуков видели: повсюду, где есть дерьмо, есть и эти вонючки. Ой, извините, простите, пожалуйста.

– Ничего.

– Этих я давлю поленом или камнем, не дожидаясь, пока они в меня выстрелят. Меня беспокоит, что за последнее время я видела уже двух медляков, причем не в подвале, а в доме. Мне это не нравится.

– Потому что они вестники смерти?

– Насчет смерти не знаю, но они предвещают несчастье. Эти жуки-вонючки никому не нравятся. Первый выполз на меня из-за газового баллона. А второй – из моего сапога. Честно. А знаете, чем они питаются? Крысиным дерьмом. Честно.

К ним вышел профессор Пюжоль в распахнутом белом халате – крупный лысый мужчина с бородой, в очках в тонкой оправе, с хмурым лицом, всем своим видом показывая, что его оторвали от важных дел. Сначала он протянул руку Адамбергу:

– Комиссар Жан-Батист Адамберг?

– Он самый.

– Должен признать, я удивлен тем, что не последний человек в полиции наносит мне визит из-за пары укусов пауков-отшельников.

– Я тоже, профессор. Но у меня приказ.

– И вы обязаны подчиняться. Такая профессия. У вас там нет места для свободной мысли, и поверьте, мне вас жаль.

“Отвратный”, – подумал Адамберг.

Потом Пюжоль оглядел с головы до ног маленькую женщину, которая с трудом поднялась со скамьи: ей мешали дорожная сумка и трость. Адамберг помог ей, осторожно поддерживая под локоть и взяв у нее из рук сумку.

– Извините меня, простите, пожалуйста, это все из-за артроза.

Профессор даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь, просто ждал, когда женщина встанет, и только потом протянул ей руку.

– Ирен Руайе-Рамье? Прошу вас, следуйте оба за мной.

Пюжоль стремительно понесся по длинным коридорам, а Адамберг, который поддерживал под локоть женщину, передвигался медленно и не мог его догнать.

– Не торопитесь, – сказал он ей.

– Надо же, какой неотесанный! Но может быть, я ошибаюсь и сужу слишком поспешно. Я не знала, что вы комиссар, и говорила с вами слишком вольно. Извините, простите, пожалуйста.

– Подумаешь! Это пустяки, я ведь сам назвался просто полицейским.

– Да, верно.

Путь до маленького кабинета профессора Пюжоля по длинным коридорам со скрипучим паркетом, запахом формалина, стеклянными банками на стеллажах занял – в удобном для Ирен Руайе темпе – семь минут.

– Можете задавать свои вопросы, – произнес профессор, не успев еще сесть. – Должен предупредить вас, что я специалист по *Salticidae*⁵, а они не имеют ничего общего с вашими отшельниками. Тем не менее я о них осведомлен, само собой разумеется. Речь идет об истории с укусами в Лангедок-Руссильоне? Да, комиссар?

– После пяти укусов за три недели и трех смертельных случаев с людьми преклонного возраста по сети поползли разные слухи, поднялась полемика, затем возникла паника, а она порождает насилие.

– К тому же отсюда, из Парижа, вы не можете дать правильную оценку происходящего, – добавила Ирен Руайе. – А там уже началась охота на ведьм. Выросла продажа пылесосов: все хотят вытащить пауков из укрытий.

⁵ Пауки-скакуны (лат.).

– Весьма благоприятно для торговли, – заметил Пюжоль, вооружился зубочисткой и стал ковыряться во рту.

– Охота на ведьм распространяется во всех направлениях. Например, у меня в деревне знают, что я не убиваю пауков.

– Очень хорошо.

– Да, очень хорошо, только мне уже камень в окно прилетел. Я сообщила в жандармерию, но у них самих голова кругом: то ли помогать убивать пауков-“мутантов” и сокращать “опасное увеличение” их численности, то ли вообще этим не заниматься. Они не знают.

– Поэтому мы здесь и встретились, – сказал Адамберг. – Моему начальству требуется мнение ученого, чтобы решить, какие давать распоряжения местным властям.

– Мнение о чем, комиссар?

– Стали ли мы свидетелями внезапного роста численности пауков-отшельников? Например, по причине глобального потепления?

– Никоим образом, – заявил Пюжоль с таким презрительным видом, словно говорил с невежами или слабоумными. – Пауки – это вам не грызуны, у них не случается всплесков численности популяции, как, например, у сусликов.

– Некоторые выдвигают предположение, – продолжал настаивать Адамберг, – что значительное сокращение количества птиц, вызванное загрязнением окружающей среды и использованием инсектицидов, позволило выжить значительно большему числу пауков.

– Это касается всех животных: как только одних становится меньше, другие пользуются этим, чтобы занять их место. Допустим, вдвое уменьшится количество воробьев, вьюрков, синиц, их нишу сразу же оккупируют более живучие птицы. К примеру, вороны. Соответственно, все равно будет уничтожено столько же пауков. Есть еще вопросы?

Адамберг стал быстро записывать.

Отвратный.

– Теперь о гипотезе мутации, – начал он. – Говорят...

– Говорят! Где – в соцсетях, на форумах, в чатах?

– Да, это так.

– Иначе сказать, необразованные, глупые люди, которые набивают себе цену, строя туманные гипотезы касательно того, о чем не имеют ни малейшего представления.

– Но именно в соцсетях, профессор, рождаются и плодятся слухи. А мое начальство не любит слухов. Поэтому, как я вам уже говорил, оно хочет знать, как обстоят дела в действительности, прежде чем давать официальное опровержение.

– Я уже три недели сражаюсь в этих сетях, – вмешалась Ирен Руайе. – Но все напрасно. Все равно что...

“Все равно что ковшом море вычерпывать, хотела сказать она”, – подумал Адамберг.

– Все равно что пытаться наполнить бездонную бочку, – продолжала она. – Только высказывание ученого может это остановить.

– А что вы пишете в этих сетях, мадам Руайе?

– Руайе-Рамье, – поправила она, – но просто Руайе – это, конечно, короче. Так все меня и зовут. Я объясняю, что пауки-отшельники прячутся и что встретить их – большая редкость. Что они не агрессивны и ни на кого не прыгают, ничего такого. Что их яд не смертелен, ну разве что иногда, только для стариков, у которых иммунитет стал слабым...

– У которых наблюдается иммунодефицит, – встрял Пюжоль.

– И еще потому, что они слишком долго не идут к врачу. Потому что не умеют распознавать укусы паука-отшельника.

– В общих чертах все так и есть, только я сказал бы это другими словами.

– Но вы ни словом не обмолвились о гипотезе мутации, – вмешался Адамберг. – Она вызывает страх, но также гипнотизирует, пугает и притягивает одновременно. Люди настойчиво твердят, что пауки способны пожирать огромное количество насекомых.

– Это точно.

– А насекомые сегодня напичканы пестицидами, и пауки питаются этой отравой, из-за которой, вероятно, изменился и их яд.

– Мутации, иначе говоря, изменения информации, содержащейся в ДНК, происходят постоянно. Вирус гриппа мутирует каждый год. И тем не менее остается гриппом. Не встречается мутаций, способных полностью изменить живой организм.

– Но рождаются ведь детишки с четырьмя руками, – заметила женщина.

– Это индивидуальная хромосомная аномалия, совсем другое дело. Надеюсь, вы не воображаете, мадам Руайе, будто паук-мутант с восемнадцатью ногами и сверхмощным ядом отправился на охоту за людьми? Не путайте генетическую реальность и кинематографический вымысел. *Вы следите за моей мыслью?* И чтобы закрыть тему, скажу: пауки, разумеется, напичканы пестицидами, как и мы. Как и насекомые, которые от этого гибнут, как птицы, которые тоже гибнут. С пауками происходит то же самое. Скорее нам угрожает сокращение численности их популяции.

– Значит, никаких мутаций? – уточнил Адамберг, что-то строча в блокноте.

– Никаких мутаций. Комиссар, если хотите привлечь солидные силы, потребуйте, чтобы Министерство внутренних дел провело анализ яда, который присутствует в крови тех, кто погиб от локсосцелизма.

– Локсосцелизма? – переспросил Адамберг, держа ручку наготове.

– Так называется состояние, вызванное укусом паука-отшельника. И запросите в ЦТ...

– ЦТ?

– Это марсельский Центр токсикологии.

– А, понятно.

– Попросите их сделать сравнительное исследование яда пауков-отшельников в прошлом году и в этом на предмет увеличения его токсичности. У пациентов, вероятнее всего, сохранились результаты анализов. *Вы следите за моей мыслью?* Пусть они это сделают. И мы вместе посмеемся, поверьте мне.

– Что ж, тем лучше, – сказал Адамберг, закрывая блокнот. – Ни роста популяции, ни мутации. Какое объяснение вы можете дать тому факту, что ко второму июня у нас уже пять укусов и три смерти?

– Касательно трех смертей я, как и мадам, считаю причиной слишком позднее обращение к врачу и иммунодефицит у этих индивидов, ставших жертвами гемолиза или вторичной инфекции. Что касается остальных двух случаев, то они публично заявили о том, что с ними произошло, потому что их натолкнули на это расползающиеся слухи и волна паники, поднятая местной прессой и соцсетями. Если бы из-за этих самых слухов в прошлом году все не начали бить тревогу по поводу якобы наводнивших Францию коричневых пауков-отшельников из Америки, до этого не дошло бы. Обычно у большинства пострадавших наблюдается сухой укус, без яда или с незначительной дозой яда. В тех редких случаях, когда паук впрыскивает весь свой яд, человек идет на прием к врачу, и тот прописывает ему антибиотики. И никто никому об этом не докладывает. Ну что, мы закончили?

– Не совсем, профессор. Допустим, у кого-то имеются дурные намерения. Может ли он запустить сразу нескольких пауков-отшельников в дом другого человека?

– Чтобы его убить?

– Да.

– Вы решили меня рассмешить, комиссар?

– У меня приказ.

– Я забыл. Ваш приказ. Кому, как не вам, знать, что существует тысяча других способов убить человека, несравнимо проще этого. Если – это в порядке шутки, разумеется, – если ваш ненормальный все-таки пожелает прибегнуть к животному яду, пусть уж тогда выберет змеиный, пес его задерит! Гадюка, когда ей придет охота, выпускает пятнадцать миллиграммов яда. Уже не говоря о том, что у нее ЛД50, то есть эта доза смертельна лишь для половины мышей весом двадцать граммов каждая. *Вы следите за моей мыслью?* Вот и прикиньте: для того чтобы убить человека при помощи гадюки, нужно, чтобы его укусили одновременно четыре, а то и пять особей. Если вы знаете, как заставить их это сделать, поведайте мне об этом. И мы вместе посмеемся. А теперь представьте себе паука-отшельника. Он вырабатывает ничтожно малое количество яда. Допустим, что он впрыснет человеку яд, опустошив сразу обе железы, что случается, повторяю, крайне редко, тогда вам понадобится... дайте подумать... мы не полагаем точными расчетами смертельной дозы, только можем примерно прикинуть объем желез...

Пока профессор совершал подсчеты в уме, все молчали.

– Вам понадобится, – вновь заговорил профессор Пюжоль, радостно улыбаясь, – содержимое примерно сорока четырех желез паука, чтобы наверняка умертвить человека. То есть чтобы на него напали разом двадцать два паука, а это было бы для них настоящим подвигом, принимая во внимание их любовь к уединению и миролюбивый характер. Считайте, шестьдесят особей, с учетом сухих и полуукусов. Итак, на троих – сто восемьдесят отшельников! Вашему безумцу придется изрядно постараться, чтобы отыскать двести пауков, выпустить на свои жертвы и уговорить их покусать – а с какой стати они станут кусаться, я вас спрашиваю? Две сотни пауков! Напоминаю вам, что выманить их из укрытия очень трудно. Неспроста они получили такое имя.

– Очень трудно, – подтвердила Ирен Руайе. – Или застать их врасплох, даже когда знаешь, где они обитают. Знаете, что мне однажды посчастливилось увидеть? Огромное скопление новорожденных паучат, которых уносило ветром вместе с их паутиной.

– Вам повезло, мадам, это очень красиво. Но позвольте мне вернуться к гипотезе комиссара о коллективной атаке. Вам не кажется, что после трех укусов человек проснется и решит посмотреть, что творится у него в кровати? Или, думаете, он будет дожидаться, пока его укусят шестьдесят раз? Полноте, комиссар. Но если поймаете вашего злодея, прошу вас, приведите его ко мне, – сказал профессор, поднимаясь.

– И мы вместе посмеемся, – закончил за него Адамберг. – С моей стороны вопросов больше нет, благодарю вас за то, что уделили мне время.

Он встал, Ирен Руайе сделала то же самое.

– А вы, мадам? Вы тоже удовлетворены?

– Тоже. Спасибо. Извините нас, простите, пожалуйста.

Когда они шли обратно по коридорам, Адамберг сказал Ирен Руайе:

– Вам совершенно незачем было извиняться перед этим типом, таким... – Тут Адамберг задумался, какое слово употребил бы Данглар. – Самовлюбленным. Самовлюбленным, грубым и наглым. Но это не важно, главное, он дал нам ответы на наши вопросы.

– На *ваши* вопросы, а я получила ответы благодаря вам. Я совершенно уверена, со мной он не счел бы нужным разговаривать. А вот с... с комиссаром полиции ему приходится считаться. Это более или менее нормально и, в общем, понятно. Правильно я сделала, что не отдала ему свою коробочку. Он только посмеялся бы.

– Минутку внимания, мадам Руайе. Прошу вас, не вздумайте рассказывать на своих форумах, что начальство дало мне такое поручение.

– Наоборот! В кои-то веки полиция решила сделать хоть что-нибудь полезное! Почему об этом не рассказать?

– Потому что это неправда. Никто мне не давал такого поручения.

Они только что вышли из Музея естественной истории, и женщина остановилась как вкопанная на тротуаре улицы Бюффона.

– Может, вы вообще не полицейский? И все это было ложью? Нет, это нечистоплотно, совсем нечистоплотно.

– Я полицейский, – подтвердил Адамберг, показав удостоверение.

Женщина долго и подробно его изучала, потом подняла голову.

– Значит, вы пришли просто так, сами по себе? И вам не давали никаких приказов. У вас появилась идея – я права? Вот почему вы задавали все эти вопросы про яд, не боясь выглядеть дураком?

– Меня это не смущает, я привык.

– А меня ужасно смущает. Я сама могла бы вам объяснить, что при помощи пауков-отшельников убить невозможно. Они не хотят кусать, я же вам говорила. Я не могла бы рассказать со всеми цифрами, которые упоминал профессор, но в конечном счете все свелось бы к тому же самому. Невозможно, невозможно.

– Но я не был с вами знаком.

– Да, правда, вы не были со мной знакомы.

– Мадам Руайе-Рамье, а не выпить ли нам кофе в “Звезде Аустерлица”? – предложил Адамберг, крайне озабоченный тем, чтобы его поступок и его имя не стали предметом обсуждения в сетях. – Это здесь, в конце улицы. Там все и выясним.

– Мадам Руайе, – уточнила женщина. – Это проще, и все меня так зовут. Но я не люблю кофе.

– Тогда чай? Или чай с молоком? Горячий шоколад?

– Ладно, мне все равно по пути.

Когда они медленно шли по улице – Адамберг держал маленькую женщину под руку, а ее сумку нес на плече, – позвонил Вейренк.

– Ничего подозрительного, – сообщил ему Адамберг. – Парень противный, но дело свое знает.

– Еще бы не знал, ведь это его работа, разве нет? – сердито пробормотала рядом с ним Ирен Руайе. – Стоило ли тащиться в такую даль, чтобы слушать всякие небылицы?

– Нет, Луи, – продолжал Адамберг, – ни роста численности, ни изменения состава яда. И ни малейшей возможности убить при помощи этих тварей. Это проясняет дело.

– Ты разочарован?

– Нет.

– А я немного разочарован. Так, пустяки.

– Твоя “тень”?

– Вероятно. Но можно ошибиться тенью, ты же знаешь.

– Как и заблудиться в тумане.

– Значит, будем считать, что тема закрыта.

– Она не закрыта, Луи. Не забывай: сколько человек в год умирает от укусов пауков во всем мире? Десять. А во Франции – ни одного.

– Но ты ведь только что сказал: “Ни малейшей возможности”.

– Если так посмотреть, то несомненно. Но давай предположим, что можно взглянуть и с другой стороны. Помнишь, как мы поднимались на пик Балайтус? С одних троп можно упасть, по другим достигнуть вершины.

– Мне они известны, Жан-Батист.

– Вопрос в том, какую дорогу выбрать, Луи. Какой угол. Взлетную полосу.

Ирен Руайе, сидевшая за столом с чашкой шоколада, показала на мобильник.

– Вы странно разговариваете, – сказала она. – Извините, пожалуйста, меня это не касается. “Тень”, “дорога”, “взлетная полоса”.

– Это друг детства. И коллега.

– Значит, тоже беарнец, как вы?

– Совершенно верно.

– Говорят, тамошних парней с мысли не собьешь, потому что они родились в горах. Как бретонцев, потому что те родились у моря. Малейшая ошибка – и гора сбросит, море утащит. Это слишком мощные стихии для человека, поэтому нужно закалять голову, мне так кажется.

– Вполне возможно.

– Но вот тут, я думаю, вы и собираетесь сделать эту маленькую ошибку. Вы слишком крепко цепляетесь за свою скалу, она вот-вот обвалится, и вы рухнете вниз.

– Нет, я спущусь с этой скалы и заберусь на другую.

– Ведь ваше начальство не в курсе? Того, что вас беспокоит этот паук-отшельник? Непонятно почему.

– Не в курсе.

– И если бы они знали, вам бы досталось.

Адамберг улыбнулся и кивнул.

– Потому-то вы и угощаете меня шоколадом. Чтобы я не рассказала на форумах о том, что у одного комиссара внезапно поехала крыша, а его начальство об этом не знает. И вы стараетесь быть со мной обходительным.

– Но я и вправду обходительный.

– И очень упрямый. Все из-за гордыни. У вас появилась одна мыслишка, но вы ровным счетом ничего не знали о пауках, не больше малого ребенка, а профессор доказал вам, что все не так, как вы думали. Он вам это доказал?

– Да.

– Но вы сказали своему другу, что тема закрыта и что она не закрыта. Хотя все вам разжевали и в рот положили. Это гордыня, да, другого слова не подберешь.

Адамберг снова улыбнулся. С этой маленькой женщиной ему было хорошо. Она быстро соображала, быстро делала выводы. Он тронул пальцем ее за плечо.

– Знаете, что я вам скажу, мадам Руайе? Я не гордый. У меня была одна мыслишка, как вы говорите, вот и все.

– Вот и у меня тоже, представьте себе, была мыслишка. Потому что пауки-отшельники не убивают. Потому что трое умерли. Но у нас во Франции никто не умирал от укуса отшельника. Потому что были и другие мыслишки. Ну и что? У всех у нас возникают всякие мысли, особенно когда ночью ворочаешься в кровати, разве нет? Но я-то не сумасшедшая, как вы. Раз невозможно, значит, невозможно, и все.

– Погодите-ка, а какая еще была мыслишка? – спросил Адамберг, откинувшись на спинку диванчика и скрестив ноги.

– Так, одна глупость, – сказала она, пожав плечами. – А шоколад здесь, надо признать, действительно вкусный.

– Ну так какая еще мыслишка, мадам Руайе? – настаивал Адамберг.

– Знаете что? Зовите меня Ирен, так будет короче.

– Спасибо. Ну скажите, Ирен, чем мы рискуем? Вы никогда меня больше не увидите, а потому можете все рассказать. Я люблю всякие-разные мыслишки, особенно когда они приходят внезапно, среди ночи.

– А я не люблю. Они тревожат.

– Так передайте ее мне, я тревожусь очень редко. Иначе она так и будет вас донимать.

И Адамбергу, естественно, вспомнились слова старика Лусио: “Нужно всегда дочесать укус до конца”.

– Ерунда. Просто в какой-то момент, когда умер второй, я подумала, что за всем этим что-то скрывается, как угорь под камнем.

– Или мурена под скалой.

– Что?

– Извините. Так, кое-что вспомнил.

– Хотелось бы знать, вам интересно, что я подумала, или нет?

– Конечно, интересно.

– Дело в том, что два первых старика, которые умерли, были друг с другом знакомы. С детства.

– Надо же.

– Прежде чем выйти на пенсию и уехать в Кадерак, я жила в Ниме.

– И они тоже?

– Не перебивайте меня на каждом шагу, а не то этот угорь выскользнет у меня из рук.

– Простите.

– Мы жили через две улицы друг от друга. В семь часов вечера я приходила в кафе выпить рюмочку портвейна. Извините, если я вас шокировала, но это все, что я пью за целый день. “Хлебнул глоток, тоска – наутек”, – говорила моя мать, но, по-моему, это чушь собачья. Ой, извините меня, простите, пожалуйста.

– Ничего, не страшно, – в который раз за этот день повторил Адамберг.

– Но на артроз он точно не действует, – сказала она, поморщившись. – Воздух здесь влажный, на Юге я лучше себя чувствую. Так вот, они ходили в то же кафе, что и я, – “Старый погреб”. Потому что рюмочка портвейна в семь часов – это хорошо, но только не в одиночестве у себя дома, надо это понимать. Как все время твердил профессор Пюжоль, *вы следите за моей мыслью?* Думаю, я это навсегда запомню. А вы что обычно пьете?

– Пиво после ужина, со стариком соседом, под деревом.

Адамберг видел, что “мыслишка” удаляется, угорь проскальзывает между камнями, мурена прячется в темной дыре. Но он чувствовал, что нельзя прерывать эту болтовню, что она вернется к теме. Или эта мысль будет зудеть постоянно, так что Ирен было бы лучше избавиться от нее, передав комиссару.

– А вот я не под деревом, а в “Старом погребе”. И эти двое там тоже постоянно сидели. И я вам гарантирую, что пили они точно не по одной рюмочке портвейна. Пастис, стакан за стаканом, разговоры за разговорами. Часто так бывает: когда люди пережили ад, они о нем все говорят и говорят, как будто его нужно убивать в себе каждый день. *Вы следите за моей мыслью?* Хотя говорят о нем со смешками, как будто это был рай. Старое доброе время, сами понимаете. А их адом был сиротский приют. Они называли его “Милосердием”. Недалеко от Нима. Это соединяло их прочно, словно пальцы на одной руке, и больше всего они любили вспоминать всякие мерзкие выходки, всякие безобразия. Насколько я слышала, а я тут же неподалеку разгадывала кроссворды, даже однажды выиграла одеяло с подогревом, такое дерьмо оказалось, ой, извините, простите, пожалуйста.

– Ничего, не страшно.

– Я хотела сказать, что его придумали, чтобы устраивать пожар в постели. Они вспоминали всякие гадкие проделки, которых только и можно ждать от приютских выроdkов. Оставить лужу – это они так говорили – в шкафу у директора, сходить по большому в его портфель, выстроиться стенкой и никого не пропускать, привязать младшего простыней к кровати, стащить у кого-нибудь штаны, сдернуть с малыша трусы во время урока физкультуры, поколотить одного, запереть другого – и все в таком духе. Выродки, которые вели себя как выроdkи. И не поодиночке – похоже, они собрали небольшую банду. Однако они, знаете ли, не были

там счастливы, бедные дети. Вот и говорили без конца. И все подливали друг другу и хохотали, попивая пастилы. Иногда ржали во весь голос, а иногда усмехались еле слышно. Наверное, когда вспоминали какие-то более серьезные эскапады.

– И вот вы, ворочаясь в постели, сказали себе: наверное, кто-то решил им отомстить.

– Да.

– Подстроив все так, чтобы решили, будто это укус паука.

– Да. Но через шестьдесят лет это уже бессмысленно, правда?

– Но вы ведь сами сказали: был ад, и они о нем говорят каждый день. Пусть даже прошло шестьдесят лет.

– Вот только умерли они от некроза тканей, вызванного ядом. И мы приходим к тому же, от чего ушли: паука не заставишь укусить.

– А если посадить его в кровать, в ботинок?

– Не сходится. Потому что первого укусили во дворе, около дровяной кучи. Второго тоже снаружи, когда он открывал входную дверь. Наверное, паук сидел себе спокойненько, спрятавшись среди гравия.

– Не получается.

– О чем я вам и говорю.

– А третий? Вы его знаете?

– Никогда его не видела. Не скажете, который час?

Адамберг показал два браслета с часами на своем запястье.

– Я забыла, – сказала она. – Дело в том, что мне нужно ехать к подруге, у которой я ночую.

– Я на машине, могу вас отвезти.

– Но это далеко, набережная Сен-Бернар.

– Ну и ладно, я отвезу.

Адамберг высадил Ирен Руайе у дома подруги, подал ей сумку и трость.

– Выкиньте-ка все из головы, – посоветовала она, прежде чем с ним расстаться.

– А вы не называйте мое имя в интернете.

– Я не собираюсь портить вам карьеру, даже не думайте. Ведь я не выродок.

– Не согласились бы вы дать мне свой номер? – спросил Адамберг, включая мобильник.

Ирен подумала в свойственной ей манере, уставившись прямо перед собой, потом продиктовала ему цифры, подглядывая в маленький список.

– Скажем так: на случай, если у вас будут новости, – уточнила она.

– Или у вас.

Адамберг снова уселся за руль, когда маленькая женщина постучала в стекло.

– Дарю его вам, – сказала она, протягивая ему коробочку из пожелтевшего пластика.

Глава 10

Когда Адамберг вернулся к себе на службу, день уже шел к концу. Из помещений почти выветрился запах рыбного порта. Окна были открыты настежь, и повсюду на бумагах лежали разнообразные предметы, чтобы не дать листкам разлететься от сквозняка. К слабому запаху примешивался аромат не то розы, не то сирени: его разбрызгала лейтенант Фруасси – кто же еще? – постоянно заботившаяся о благоденствии своих коллег. Результат получился тошнотворный, Адамберг предпочел бы, чтобы воняло просто рыбой.

– Фруасси, – сообщил Вейренк, подходя к комиссару.

– Кто бы сомневался, – откликнулся тот.

– Главное, ничего ей не скажешь, ведь она делает это ради нашего блага. Она вылила две упаковки, и никто не осмелился ее отговаривать. Вонь пеленой не прикроешь: это ко всему относится.

– Может, принести еще одну мурену, чтобы приглушить розу и сирень. Или вот это, посмотри.

Адамберг достал из кармана маленькую пластмассовую коробочку.

– Это подарок – паук-отшельник. Полюбуйся. Признаюсь, до сего дня еще никто не дарил мне дохлых пауков. Только он ничем не пахнет. Не то что жуки-медляки.

– Ты имеешь в виду жуков-вонючек?

– Их самых. Вонючек – вестников смерти.

– И кто же оказался столь изысканно любезен, что подарил тебе дохлого паука?

– Маленькая женщина, которую я повстречал в музее. Она приехала из самого Нима, чтобы привезти эту штуку специалисту по паукам.

– Арахнологу.

– Да. А поскольку этот парень ей не понравился, то она решила презентовать отшельника мне. Луи, этот подарок – большая честь. Примерно как та, которую оказал Рёгнвар нашей Ретанкур, вырезав ее портрет на деревянном весле.

– Он это сделал?

– Именно. Ты закончил свой отчет?

– Он уже в руках у Мордана.

– Мне нужно рассказать тебе, что поведала эта женщина. Но где-нибудь в сторонке. Приходи ко мне в кабинет, чтобы никто не видел. Как там Данглар?

– Думаю, страсть к бумаге и подготовка “Книги” развеяли его раздражение.

Адамберг положил паука на стол, уже заваленный до предела. Открыл коробочку, достал лупу, тайком позаимствованную у Фруасси, и стал изучать крошечное создание. Как они называют его тельце, эти арахнологи? Адамберг полистал блокнот: где-то он это записал. Головогрудь. Очень хорошо. С таким же успехом можно было назвать это спиной. Напрасно он ее разглядывал так и сяк, рисунок на ней мало напоминал скрипку. Он услышал шаги и торопливо захлопнул крышку. Не то чтобы он опасался своих сотрудников, но ему не хотелось причинять страдания Данглару.

Это оказался Вуазне, он заметил коробочку и наклонился над ней.

– Паук-отшельник, – заключил он и спросил с завистью: – Откуда он у вас? Это такая редкость.

– Мне подарили.

– Но кто? Как?

– В музее.

– Вы не бросаете это дело, комиссар?

- Бросаю. Ни роста численности пауков, ни мутаций. Придется смириться.
 - Но трое все-таки умерли.
 - Я думал, вас это больше не интересует. Вы ведь твердили, что это старики.
 - Я знаю. А между тем во Франции никто никогда не умирал от укуса отшельника. Никаких мутаций, вы уверены?
 - Да.
 - Ладно. Во всяком случае, это работа не для нас.
- Адамберг чувствовал, что лейтенант колеблется, выбирая между логикой и искушением.
- Я пришел поговорить с вами об отчете.
- Вуазне похлопал себя по круглому животу. Эта дурацкая привычка давала о себе знать, когда он был смущен или доволен собой, так что проявлялась она довольно часто.
- Я о том допросе Карвена, как бы это сказать... Нельзя ли выбросить те пассажи, когда он обращается со мной как с пустым местом, разглагольствует про апперцепцию и щеголяет цитатами?
- Что с вами, Вуазне? Может, вы еще захотите, чтобы мы вырезали куски из видеозаписи и склеили ее скотчем?
 - Эти пассажи несущественны для следствия.
 - Они существенны для того, чтобы показать характер Карвена. С каких это пор у вас появилась идея фальсифицировать отчеты о следственных действиях?
 - Начиная с той самой апперцепции. Это так и не прошло.
 - А мне что делать с арахнологом и головогрудью, можете сказать? Проглотите эту апперцепцию, примите как неизбежность и переварите.
 - Но в отчете головогрудь не упоминается.
 - Кто знает, Вуазне?
- Адамбергу позвонил Вейренк, и Вуазне вышел из кабинета, похлопывая себя по животу.
- Я услышал голос Вуазне у тебя в кабинете и прошел мимо. Лучше нам встретиться в другом месте.
 - Где?
 - Давай снова сходим в “Гарбюр”. Вчера Данглар испортил нам удовольствие.
- Эстель, сразу же решил Адамберг. Ее рука на плече коллеги накануне вечером. Вейренк уже так долго один, а его крайняя требовательность к женщинам и их разнообразным качествам заметно снижает возможность выбора. У Адамберга, наоборот, другие проблемы из-за слишком скромных запросов. Эстель, подумал он, Вейренк возвращается туда ради нее, а вовсе не ради капустного супа, пусть даже пиренейского.

Глава 11

Эстель поставила супницу с гарбюром на греющую подставку, чтобы гости могли не торопиться и блюдо не остыло: ведь это были они, Адамберг и Вейренк, особенно Вейренк. Лейтенант как бы невзначай выбрал другое место и уселся лицом к стойке, а не спиной, как накануне вечером.

– Ты же мне говорил, что от укуса паука-отшельника во Франции до сих пор никто не умирал, – сказал Вейренк.

– Это правда. В то время как гадюка убивает от одного до пяти человек в год.

– Это все меняет.

– Ты меня перестал понимать?

– Я этого не говорил. Расскажи мне об этой женщине, которая подарила тебе дохлого паука.

– А мужчины обычно дарят меховые манто. Какая глупость! Представь себе: ты обнимаешь женщину, у которой на спине висят шестьдесят дохлых белок.

– Ты собираешься носить своего паука на спине?

– Луи, он уже лежит тяжким грузом на моих плечах.

– А у меня на голове – шкура леопарда, – заявил Вейренк, проводя рукой по своей густой шевелюре.

Адамберг почувствовал, как нутро у него свело, – так бывало всякий раз, когда Вейренк вспоминал ту историю. Они были мальчишками, там, в горах. Маленького Луи Вейренка четырнадцать раз полоснули ножом по голове. Потом на рубцах выросли волосы – рыжие, такие, которые называют огненными. Это издали бросалось в глаза, поэтому Вейренка никогда не привлекали к слежке. Сегодня вечером под низко висящей лампой в ресторане эти пряди ослепительно сверкали в его темных волосах. Его шевелюра действительно напоминала шкуру леопарда с рисунком наоборот.

– Что сказала тебе эта женщина? – спросил Вейренк.

Адамберг поморщился, откинулся назад и стал раскачиваться на задних ножках стула, положив ладони на стол.

– Это непросто, Луи. У меня такое впечатление... нет, не впечатление. Я думаю, что где-то я все это видел.

– Что? Эту женщину?

– Нет. Паука-отшельника.

У него опять одеревенел затылок, и он потряс головой, чтобы избавиться от этого ощущения.

– Да нет же, я его никогда раньше не видел. Или видел. Что-то похожее на него. Очень давно.

– Разумеется, ты его видел. Но только дня три назад. В интернете.

– А вчера он был на экране компьютера Вуазне. Я почувствовал волнение, отвращение.

– Пауки у многих вызывают отвращение.

– Но не у меня.

– Не забывай, у нас еще чувствуется ужасный запах мурены.

– И это перемешалось. Паук и мурена. Эта вонь тоже сыграла свою роль, я знаю.

– Ты точно помнишь, что было на экране Вуазне?

– Я никогда не помню слова, зато хорошо помню картинки, это да. Я мог бы описать тебе каждый предмет, который люди разложили на столах, чтобы не сдуло сквозняком их бумаги. Я мог бы нарисовать тебе то дерево в горах, когда...

– Оставь ты в покое эту историю! Мне очень нравятся мои рыжие волосы.

– Прекрасно.

– На экране Вуазне – что там было?

– Ничего особенного. Увеличенное фото паука довольно светлого коричневого цвета, внизу голова, а наверху – заголовок синими буквами: “Европейский паук-отшельник, или паук-скрипач”. Вот и все.

Адамберг энергично потер затылок.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Немного. Иногда, когда я слышу это название.

– А когда видишь паука? В коробке?

– Нет, – озадаченно произнес Адамберг, пожав плечами. – Ничего не чувствую, когда его вижу. Его ноги, спина – меня они не впечатляют. Может быть, это что-то другое.

– Что другое?

– Представления не имею.

– Ты видишь что-нибудь? Во сне, в кошмарах, в реальности, в полудреме?

– Я не знаю. Может, что-то вроде призрака, – улыбаясь, ответил Адамберг.

– Это покойник?

– Нет. Или же покойник, который танцует. Ты знаешь, такие встречаются на старых граблях, которые пугают детей, фигуры, которые двигаются.

Адамберг повернул голову. Напряжение ушло.

– Забудь про мои вопросы, – произнес Вейренк. – Что тебе рассказала та женщина?

Адамберг поставил стул ровно, съел немного гарбюра и коротко пересказал беседу с Ирен в “Звезде Аустерлица”.

– Из одного приюта?

– Так она говорит.

– Выродки, которые вели себя как выродки.

– Так она выразилась.

– Они и потом могли продолжать в том же духе. Что они вытворяли?

– Я с удовольствием нанес бы визит директору этого приюта.

– Которому сейчас должно быть лет сто двадцать.

– Я имею в виду, его преемнику.

– Под каким предлогом? Тебе вряд ли удастся скормить ему басню о приказе высшего начальства. Хорошо еще, что та женщина пообещала держать язык за зубами. Ты в ней уверен?

– После чашечки шоколада в “Звезде Аустерлица” – да.

– Обольщать пожилых дам не очень красиво, могла бы сказать тебе она.

– Не бери в голову, она прекрасно поняла, почему я так себя веду, и дала мне это понять. И попросила держать ее в курсе, если у меня будут новости. Но я ничего ей не обещал, – с улыбкой добавил Адамберг.

– Но принял в дар дохлого паука. Это уже немало. И какие же у тебя новости, Жан-Батист?

Адамберг пожал плечами.

– Никаких, – сказал он. – Невозможно заставить две сотни пауков-отшельников на кого-то напасть.

– К тому же на улице. Непонятно, с какой стати целая орда пауков вдруг вышла из своего укрытия в поленнице и покусала человека.

– Немыслимо. Они же одиночки. И, трясаясь от страха, ждут, когда человек уйдет.

– Жан-Батист, мы топчемся на месте.

– Поэтому нужно пойти другой дорогой. Той, что берет начало в сиротском приюте. Он назывался “Милосердие”. Кто-нибудь должен был сохранить старые архивы, разве нет? Просто так никто не выбросит кучу документов со сведениями о куче сирот.

– А что потом?

– Узнаем имена воспитанников “Милосердия”, живших в приюте в те же годы, что и две наши первые жертвы, попытаемся установить состав “банды”, о которой она говорила.

– Если ты этим займешься, Жан-Батист, тебе придется проинформировать команду.

Вейренк налил ему второй стакан вина, пока оба молча размышляли, так и сяк прокручивая в голове скудную информацию. Адамберг разглядывал свою пустую тарелку, а его друг смотрел на Эстель, которая в тот вечер слишком усердно расхаживала по залу.

– А зачем? – снова заговорил Адамберг. – Чтобы Данглар опять вышел из себя? Можно прекрасно со всем разобраться, не подавая сигнала к атаке. Можно рассчитывать на Фруасси: она найдет сведения о трех покойниках и сиротском приюте. Скорее всего, также на помощь Вуазне. На тебя и на меня, чтобы съездить куда надо. И еще, наверное, на Меркаде.

– И таким образом мы сколотим банду заговорщиков внутри бригады. Данглар в курсе, он следит за каждым твоим шагом, словно ты ходишь по краю пропасти. А мы будем собираться на тайные совещания у автомата с напитками. И сколько мы так продержимся, как ты думаешь?

– Луи, что, по-твоему, я должен им объяснить? – отозвался Адамберг. – Что собираюсь расследовать три смерти, вызванные укусами пауков-отшельников, потому что укусы этих пауков вообще-то не смертельны? И потому, что эти пауки никогда не нападают на человека? Они, как и Вуазне, скажут, что это были старики. Ни материалов, ни намека на убедительные доказательства. Что произойдет, как ты думаешь? Помнишь, как они недавно взбунтовались? Когда три четверти сотрудников отказались встать на мою сторону? Еще немного, и команда распалась бы. Сейчас будет еще хуже. Я не хочу еще раз это пережить. И не хочу привести их к провалу.

– А сам туда поедешь?

– Луи, у меня нет выбора.

– Хорошо, – немного помолчав, проговорил Вейренк. – Делай то, что должен делать.

Они покончили с ужином, и Адамберг собрался уходить. Они остались в ресторане последними.

– Уже уходишь? – спросил Вейренк. – Тебе не понравилось то, что я тебе сказал?

– Нет-нет.

– Я бы еще выпил кофе.

– Ничего, если я оставлю тебя и уйду?

– Иди.

Адамберг положил на стол свою долю по счету, надел куртку и, уходя, крепко сжал плечо Вейренка.

– Я иду думать, – сказал он.

Вейренк знал, что Адамберг никогда не уходит, чтобы думать. Он в принципе не умел это делать – думать в одиночестве, усевшись у камина, размышлять, сортируя информацию, взвешивая все за и против. Его мысли, можно сказать, формировались еще до того, как он начинал думать. Комиссар ушел, чтобы оставить его наедине с Эстель.

Вернувшись домой, Адамберг достал помятую сигарету из старой пачки, оставленной его сыном Кромсом. Он скучал по сыну. Накануне отъезда из Исландии Кромс – по-настоящему Армель, Адамберг впервые встретился с ним, когда сыну исполнилось двадцать восемь лет, – сообщил, что остается там с девушкой, которая выращивает овец на плоскогорье. Обратный путь без сына только усилил его нежелание возвращаться в город. И что он станет делать с сигаретами? Он не курил, за исключением тех случаев, когда таскал сигареты у Кромса. А это значит не курить, а воровать. Что ж, он купит пачку для сына и будет брать оттуда по одной сигарете. По крайней мере, одно решение он принял.

Он скучал и по Лусио, старику понравилась бы история с пауками, но он этим утром уехал в Испанию навестить родных. Адамберг открыл дверь, выходящую в маленький садик, внимательно посмотрел на деревянный ящик под деревом, служивший им скамейкой. Подошел и сел, закурил сигарету Кромса и решил, несмотря ни на что, подумать. В итоге не так уж и плохо, что его сына сейчас нет, что он не стал свидетелем путаницы у него в голове, в которой ножки паука бессмысленно дергаются среди густой вони мурены. Он, конечно, не станет рисовать эту картину сотрудникам комиссариата, информируя о первых шагах своего расследования. Он прислонился к стволу дерева, вытянув ноги на ящике. Или соврать, скруглить углы? Но, даже скругленные, они все равно будут слишком заметны. Думать, нужно думать.

Глава 12

Утром Фруасси встретила Адамберга встревоженным взглядом, и тот сразу определил причину ее беспокойства.

– Вы не завтракали, комиссар?

– Это не важно, лейтенант.

По дороге к себе в кабинет он сделал Вейренку знак зайти.

– Луи, я заснул как-то неожиданно. А в пять часов, проснувшись под деревом, написал вот это. Ровно две страницы, где собраны имеющиеся у нас данные о пауке-отшельнике, об этих смертях, о сиротском приюте и выводах профессора Пюжоля. Не мог бы ты хоть немного привести в порядок этот текст и напечатать его на нормальном французском языке?

– Дай мне десять минут.

– Кто сегодня на месте? – спросил Адамберг, изучая график на доске.

– Народу немного. В прошлую субботу и воскресенье сотрудники выходили на работу сверхурочно из-за внедорожника. Сегодня взяли отгул.

– И кто в наличии?

– Жюстен, Керноркян, Ретанкур, Фруасси. Мордан завершает вторую фазу отчета, но не здесь, а дома.

– Вызови еще кое-кого, Луи. Будет лучше, если это сделаешь ты.

– Ты решил уведомить команду?

– Разве не ты посоветовал мне это сделать? И был прав. Собери их. Данглара, разумеется, а еще Мордана, Вуазне, Ламара, Ноэля, Эсталера, Меркаде. Подготовь нужное количество копий моего текста, когда его поправишь. Начнем совещание в одиннадцать часов, не стоит слишком рано поднимать людей с постели, а то приедут в плохом настроении. Пусть лучше оно испортится во время встречи.

– Вполне вероятно, так и случится, – пробормотал Вейренк, просматривая записи Адамберга.

– Обычный ксерокс не работает, придется снимать кота.

В этот момент вошла Фруасси с полным комплектом для завтрака. Поднос слегка дрожал у нее в руках, чашки позвякивали.

– Я завернула кофейник в полотенце, – сообщила она. – Так он подольше не остынет. Я и вам принесла чашку, лейтенант, – добавила она, выходя.

– Что ты ей сказал? – удивился Вейренк, обнаружив на подносе целую гору круассанов. – Что ты неделю не ел?

Он освободил место на столе Адамберга, отодвинув вправо коробочку с пауком, и налил кофе в обе чашки.

– Не такой вкусный, как у Эсталера, – прокомментировал он. – Но пусть это останется между нами.

– По-моему, Фруасси нервничает. Она бледная.

– Очень. И сильно похудела.

На пороге появилась Ретанкур. А когда Ретанкур занимала дверной проем, зона видимости сужалась до предела – и в направлении дальней комнаты, и в направлении потолка.

– Присоединяйтесь, лейтенант, – пригласил ее Адамберг. – Фруасси принесла круассаны.

Ни слова не говоря, Ретанкур положила себе еды и уселась на место Вейренка, который отправился приводить в порядок заметки Адамберга. Она совершенно не беспокоилась по поводу своего солидного веса и, казалось, превращала каждую новую порцию жира в чистую мышечную массу.

– Я могу с вами поговорить? – спросила она. – Потому что это такое дело, которое нас обычно не касается.

– Немного времени у нас есть, лейтенант, я назначил совещание на одиннадцать часов.

– По поводу чего?

– По поводу дела, которое нас обычно не касается.

– Правда? – недоверчиво спросила Ретанкур.

– Получается, я такой не один. Услуга за услугу. Рассказывайте, что там у вас.

– Случай преследования на сексуальной почве. Скорее всего. Но женщина живет не в нашем округе, а в девятом.

– Она подала жалобу?

– Она никогда не решится на это. И должна сказать, нет ни малейших доказательств, ничего, что могло бы стать основанием для обращения в полицию. Она говорит, что все это ерунда. Но на самом деле она боится худшего, замкнулась и почти не спит.

– Но вы уверены, что она не ошибается. Почему?

– Прежде всего, комиссар, потому, что это нечто гнусное, невидимое и непонятное.

– У меня такое же дело. Невидимое и непонятное. Бывает. Что еще?

– За последний месяц в девятом округе произошли два изнасилования. В трехстах и пятистах метрах от ее дома.

– Ближе к делу. Расскажите, что знаете.

– Это происходит в ванной комнате. Ни угроз, ни слежки, ни телефонных звонков. Только эта проклятая ванная. Напротив нее строений нет. В ванной есть окно, выходящее во двор, стекло в нем матовое.

Ретанкур замолчала.

– И?... – поторопил ее Адамберг.

– Если вы будете смеяться, даже просто улыбнетесь, хотя бы на четверть, я разорву вас на куски.

– Преследование на сексуальной почве не кажется мне поводом для смеха, лейтенант.

– Но есть только одна деталь, да и то она ничего не доказывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.